

0-790934

На правах рукописи

ГАЙНУТДИНОВА АЛЬБИНА ФАТХУТДИНОВНА

**ЧАСТЕРЕЧНАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ
(СУБСТАНТИВАЦИЯ) В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ**

Специальности: 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(татарский язык), 10.02.20 – сравнительно-историческое,
сопоставительное и типологическое языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Казань – 2011

Работа выполнена в отделе лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Научный консультант: доктор филологических наук профессор Юналеева Румия Айнитдиновна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор Насилов Дмитрий Михайлович (г. Москва)

доктор филологических наук профессор Салимова Дания Абузаровна (г. Елабуга)

доктор филологических наук профессор Шарыпова Наиля Хабибрахмановна (г. Казань)

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Защита диссертации состоится «15» декабря 2011 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 022.001.01 при Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Казанского научного центра РАН (420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31).

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ «15» сентября 2011 г. (http://www.ijli.antat.ru/dissertacii_dok.html). Режим доступа: свободный.

Автореферат разослан «15» ноября 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000688294

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук доцент

 А.А.Тимерханов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация представляет собой результат исследования одного из самых сложных и интересных проявлений языка в действии, в его функционировании – взаимосвязанности и взаимопроникновения элементов языка.

Актуальность исследования определяется, в первую очередь, усилением исследовательского интереса к проблемам переходных явлений в языковой системе в целом. Современная наука, сама по себе развивающаяся все больше в рамках межпредметных парадигм, активно обращается к теории транспозиции в единой системе языковых единиц и в отдельных ярусах иерархической организованности языковых уровней. Система частей речи не статична – ей присуща динамика, проявляющаяся в транспозиционных процессах, в т.ч. в переходе слов различных частей речи в разряд существительных – субстантивации.

Изучение субстантивации имеет давнюю историю. Первые сведения относятся к XVIII веку. Одним из первых в языкознании на существование слов, употребляющихся как существительные, но имеющих нехарактерную для существительных морфемную структуру, указал М.В.Ломоносов. В «Российской грамматике» он рассматривает слово *прохожий* наряду с другими отлагольными существительными (*терпение, клятва*) и пишет: «Имена, с причастиями и прилагательными средные, кончающиеся на -ей и -ой, склоняются как прилагательные: *невечей, невчаго, невчему*» [Ломоносов 1952: 464]. О возможности использования имен прилагательных в значении существительных свидетельствуют Н.И.Греч, В.Г.Белинский, Г.П.Павский, И.И.Давыдов, Ф.И.Буслаев.

Характеристика процесса субстантивации представлена также в работах Л.Б.Перльмуттер (1948), И.М.Подгаецкой (1950), С.Д.Липкина (1950, 1956), О.М.Доконовой (1953, 1964), В.М.Маркова (1957, 1961), И.Ф.Протченко (1958, 1971), Н.Н.Чуриловой (1959), Л.И. Ройзензон (1962), А.М.Барзилович (1962), Н.П.Голубевой (1963, 1970), М.Ф.Лукина (1965, 1973, 1986), В.В.Лопатина (1967), В.Я.Кузнецова (1976), Е.Г.Ковалевской (1977), Г.П.Снетовой (1980, 1984, 1992), С.А.Остапенко (1990), Т.Ю.Щуклиной (1995), Т.К.Бардиной (2003), Е.М.Хачировой (2003), О.В.Редькиной (2003), С.И.Богданова, Ю.Б.Смирнова (2004), И.В.Высоцкой (2006), У.Н.Фысиной (2007), Е.В.Смирновой (2007).

Исследования, посвященные изучению переходных явлений в области частей речи в целом, и субстантивации в частности, появившиеся в течение последнего десятилетия XX – нач. XXI вв., посвящены определению места данных явлений в системе языка (Остапенко 1990; Бабайцева 1991; Калечиц 1991); выяснению соотношения переходных процессов и лексико-грамматической полисемии (Баудер 1991; Стернина 1991); сопоставительному анализу транспозиционных явлений (Бологан 1997; Чижова

1997; Громова 1990); языковым и функциональным аспектам этого переходного явления (Редькина 2003); проблеме лексико-грамматической переходности частей речи (Бардина 2003); синкретизму в системе частей речи современного русского языка (Высоцкая 2006); окказиональной субстантивации (Смирнова 2007); стилистическим и семантическим аспектам субстантиватов (Фысина 2007).

В тюркологии проблема субстантивации стала разрабатываться сравнительно недавно и представлена в работах Г.А.Абдурахманова (1950), А.Н.Кононова (1960), А.А.Юлдашева (1970), Б.Р.Мамедова (1973), А.Г.Гулямова (1975), И.П.Павлова (1976), А.А.Ахундова (1977), С.А.Бегляровой (1979), А.А.Аймурзаевой (1985), Е.М.Хачировой (2005), касающихся узбекского, башкирского, чувашского, азербайджанского, каракалпакского, карачаево-балкарского языков.

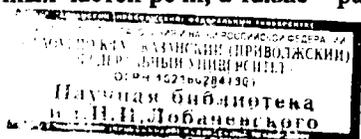
В татарском языке вопросы субстантивации затрагиваются в незначительном числе работ, в большинстве случаев статейного характера (Валиуллина 1968, 1970; Салимгараева 1972) или в виде отдельных вкраплений в соответствующих разделах грамматик и монографий (Закриев 1972; Тумашева 1978; Татарская грамматика 1995, 1997; Салимова 2001; Ганиев 1985, 2004; Хисамова 2006).

Значительным этапом в постановке и решении общих вопросов субстантивации в татарском языке является труд Ф.А.Ганиева «Современный татарский литературный язык. Словообразование по конверсии» (Ганиев 2004). В работе регулярный и нерегулярный переходы слов из одной части речи в другую рассматриваются как конверсия, как способ словообразования.

По изучению субстантивации различных частей речи в тюркологии в сопоставительном аспекте нам известны работы Б.Р.Мамедова «Субстантивация в разносистемных языках (на материале английского и азербайджанского языков)» (Мамедов 1973), кандидатская диссертация Э.А.Сайдашевой «Словообразование в татарском и английском языках на примере конверсии и словосложения (сопоставительный анализ)» (Сайдашева 2006) и статья Ф.А.Ганиева и Р.А.Юналеевой «Конверсия в тюркских языках в сравнении с другими языками» (Ганиев, Юналеева 1986).

В последнее время в тюркологии появились работы, посвященные изучению конверсии как способа словообразования – это кандидатская диссертация З.Х.Трамовой (2006), посвященная вопросу образования имен существительных по конверсии в карачаево-балкарском языке, также Р.З.Заббаровой (2010), в которой исследуется способ отражения слов-конверсивов в словарях татарского языка. В этих работах субстантивация рассматривается лишь как частный аспект конверсии.

Итак, изучение субстантивации частей речи в отечественной лингвистике ведется довольно активно. Имеются работы, посвященные изучению субстантивации различных частей речи, а также – различным аспектам

субстантивации. Но, несмотря на довольно обширную литературу по субстантивации в русистике и наличие отдельных изысканий в тюркологии, в них не представлены все возможные аспекты исследования: ни в одной из приведенных работ не рассмотрены разновидности перехода той или иной части речи в имена существительные. Семантико-тематическая характеристика субстантиватов, присутствующая в них, является не исчерпывающей, функционально-стилистическая характеристика носит лишь эпизодический характер.

В татарском языкознании субстантивацию частей речи следует отнести к малоизученной сфере. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Принципиально новым и актуальным в нашей работе является сопоставительное исследование субстантивации частей речи в разноструктурных языках (татарском и русском). В ней впервые определены основные условия системного осуществления частеречной транспозиции (субстантивации) в разноструктурных языках, и выявлены уникальные и универсальные возможности перехода для каждого отдельно взятого языка, а также для рассматриваемых языков. Сопоставительному анализу подвергнуты семантические модели субстантиватов, разновидности их перехода в имена существительные в сопоставительном аспекте, структурные и функционально-стилистические особенности. В работе также представляется лексикографическая разработка субстантиватов в татарском языке.

Актуальность данной диссертации определяется также и тем, что в контрастивной лингвистике до настоящего времени отсутствуют работы, касающиеся изучения проблемы субстантивации в сопоставительном плане в татарском и русском языках, также необходимостью представить полиаспектное освещение субстантивации в типологически различных языках по материалам вышеназванных языков.

Объект исследования – субстантиваты татарского языка в сопоставлении с русскими субстантивированными единицами.

Предмет исследования – грамматическая, семантическая, структурная и функционально-стилистическая характеристики субстантиватов татарского и русского языков.

Цель данной работы – представить лингвистическую природу субстантивации прилагательных, отглагольных образований (причастий и имени действия – в татарском; причастий – в русском), числительных и местоимений в сопоставлении показателей по языкам, выявить универсальные и уникальные особенности, продиктованные типологическими различиями. Реализация этой цели связывается с решением ряда частных задач:

– раскрыть теоретико-методологические аспекты исследования субстантиватов в контексте общелингвистического языкознания;

– рассмотреть различные точки зрения на транспозицию и субстантивацию как частное проявление транспозиции; раскрыть терминологическое обозначение субстантивации. Показать широту и многообразие субстантивной транспозиции, рассмотрев это явление по отношению к различным категориальным разрядам (прилагательным, причастиям, местоимениям, числительным, именам действия);

– определить место субстантивации в системе словообразования татарского и русского языков и установить тождественность субстантивации и конверсии, как одного из продуктивных способов словообразования в исследуемых языках;

– выделить семантические модели субстантиватов и провести их сопоставительный анализ в исследуемых языках. Охарактеризовать модели узуальной (языковой) и окказиональной (речевой) субстантивации в сопоставлении по языкам, и определить продуктивность этих моделей, полученных на основе количественного анализа субстантиватов;

– провести анализ структурного плана по языкам, показать сходства, расхождения и особенности грамматического построения субстантиватов в татарском и русском языках; на основе сопоставительного анализа выявить адекватные субстантиваты по языкам; установить основные способы передачи татарских субстантиватов на русский, русских – на татарский языки;

– определить функциональную загруженность субстантиватов, входящих к различным частям речи;

– установить характерную форму фиксации субстантиватов в словарях татарского языка и выявить наиболее приемлемый вариант для использования в словарях.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в диссертации впервые проведены функционально-семантическая классификация субстантиватов в разноструктурных языках в полиаспектном их проявлении и анализ текстовой реализации рассматриваемых единиц. Работа репрезентирует субстантивацию как один из видов словообразования в татарском и русском языках; при этом подробно прослежены грамматические и функционально-стилистические возможности субстантиватов каждого класса в разноструктурных языках. Научная новизна работы также состоит в том, что она представляет собой первый опыт монографического, системно-комплексного исследования субстантивации частей речи в типологическом плане в татарском и русском языках.

Теоретическая и методологическая основа работы. Особенность привлекаемого к анализу материала предопределила опору настоящей работы на теоретические послылки ряда дисциплин: это основополагающие труды в области транспозиции и дериватологии В.В.Виноградова, А.И.Смирницкого, Э.В.Севортяна, А.Н.Кононова, Н.К.Дмитриева, А.А.Юлдашева, Ф.А.Ганиева, Е.А.Земской, Е.С.Кубряковой, М.Д.Сте-

пановой, В.В.Лопатина, А.Н.Тихонова, В.В.Бабайцевой, также труды зарубежных ученых Ш.Балли, М.Докулила и др. В процессе исследования субстантиватов применялись преимущественно контрастивный (сопоставительный) и типологический методы наряду с описательным, а также элементами количественного анализа. Использовались приемы техники сплошной выборки и статистической обработки материалов; применялись прямые и обратные переводы на татарский и русский языки.

Материалом исследования послужили: 1) данные корпуса словарей татарского и русского языков: Толковый словарь татарского языка: в 3-х томах; Толковый словарь татарского языка: в 1 томе 2005; Татарско-русский словарь 1966; Татарско-русский словарь 1988; Татарско-русский словарь: в 2-х томах 2007; Русско-татарский словарь 1997; Словарь языка поэзии Габдуллы Тукая: в 2-х томах; Словарь русского языка: в 17-х томах; Словарь русского языка: в 4-х томах; Толковый словарь русского языка конца XX века; Словарь языка Пушкина: в 4-х томах; Словарь новых слов русского языка; Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля; 2) тюркско-русские, русско-тюркские словари; словари тюркских языков; 3) диалектные, терминологические и фразеологические словари; словари пословиц и поговорок татарского и русского языков; 4) произведения татарской и русской художественной и публицистической литературы; 5) данные исследований, касающихся субстантивации

Теоретическая значимость данного исследования заключается в следующем:

— оно вносит значительный вклад в развитие положений теории переходности не только татарского, но и русского языка, т.к. в его рамках осуществлено изучение транспозиции (субстантивации) двух разносистемных языков на основе сопоставительного изучения основного массива языковых фактов субстантивации с позиций грамматического, функционального и семантического аспектов;

— в исследовании впервые на материале разноструктурных языков определяются основные условия системного осуществления частеречной транспозиции (субстантивации) и выявляются уникальные условия для каждого отдельно взятого языка и универсальные условия для рассматриваемых языков;

— впервые с теоретической точки зрения поднимается и исследуется проблема системного взаимодействия частей речи татарского и русского языков на примере связей имени существительного с другими частями речи на уровне конверсивного словообразования и межчастеречных переходов;

— выработана методика комплексного подхода к исследованию субстантивации в сопоставляемых языках, которая может быть использована при изучении данного явления в других разноструктурных языках;

– впервые применен комплексный подход к изучению субстантивной транспозиции, который позволил выявить универсальность и уникальность в контрастивных исследованиях микрополей субстантиватов;

– разработаны основные принципы лексикографирования субстантиватов в татарском языкознании; исследование также вносит определенный вклад в развитие семасиологии, словообразования татарского языка.

Практическая ценность исследования. Материалы и результаты исследования могут быть использованы в трудах по функциональной морфологии, словообразованию, контрастивной лингвистике и языковым контактам. Отдельные теоретические приемы анализа языкового материала могут быть применены в описании субстантиватов в других сопоставляемых языках, также в лексикографической практике.

На защиту выносятся следующие положения:

– субстантивация широко распространена в обоих исследуемых языках. Субстантивироваться может практически любая часть речи. Однако в татарском языке наиболее развита субстантивация прилагательного, причастия и имени действия, в русском – субстантивация прилагательного, причастия и местоименного прилагательного. Субстантивация является одним из типов конверсии и в обоих исследуемых языках является продуктивным способом словообразования;

– татарские и русские субстантивированные единицы обнаруживают сходство в семантике, которое проявляется в совпадении наиболее характерных стержневых моделей и основных семантико-тематических разрядов. В обоих языках преобладают субстантиваты антропоцентрического характера (*гөрләүче – водящий, карт – старик, кайберәүләр – некоторые*);

– в структурном плане субстантиваты в большинстве случаев в сопоставляемых языках имеют некоторую тождественность: семантико-тематически они соответствуют однословной форме (*больной – авыру, матур – красивый; гаепләнүче – обвиняемый, өченче – третье (блюдо); мин – я*);

– в отличие от татарских, субстантиваты русского языка сохраняют грамматические признаки исходной части речи (напр., словоизменительные особенности прилагательных: *больной, столовая, участковому*); в татарском языке субстантиваты приобретают грамматические признаки существительного, т.е. словоизменительные особенности существительного: аффиксы категории числа, падежа и принадлежности: *аклар ‘белые, белогвардейцы’, яшьларне ‘молодых’, беренчегә ‘первому’* и т.п.;

– узуальная и окказиональная субстантивации могут быть противопоставлены как системно-языковое и речевое явления. Узуальной субстантивации в исследуемых языках в основном подвержены имена прилагательные и причастия, а окказиональной – имена числительные и местоимения;

– субстантиваты обладают большим функционально-стилистическим потенциалом: участвуют в создании образной системы художественных произведений; реализуют информативную и эмотивную функции языка СМИ; являются тематически специализированными элементами в деловом стиле. В настоящее время происходит расширение семантической классификации субстантиватов за счет появления новых семантико-тематических групп (язык деловых бумаг – в татарском языке; средства связи – в русском) или их пополнения новыми единицами (*яшелләр* ‘зеленые’; *сертификацияләү* ‘сертификация’; *оранжевые*; *отовый* и др.);

– в практической лексикографии татарского языка еще не устоялись принципы определения сущности и подачи субстантиватов, что объясняется теоретической неразработанностью проблемы, связанной с самой природой субстантивации, а также лексикографическим субъективизмом.

Апробация работы. Основные положения, а также выводы по отдельным проблемам неоднократно докладывались на научных конференциях: международных – «Наследие Галимджана Ибрагимова и современность» (Набережные Челны, 2007); «Казань и Алтайская цивилизация: 50-я международная научная алтаистическая конференция» (Казань, 2007); «Язык, культура, общество» (Москва, 2009); «Восточные языки и культура» (Москва, 2007, 2010); «Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации» (Чебоксары, 2010); «Ономастика Поволжья» (Казань, 2010); «III Международная тюркологическая конференция (Елабуга, 2010); «Проблемы словообразования в тюркологии» (Казань, 2002, 2010); Международный тюркологический симпозиум (Казань, 2011); всероссийских – «Лингвистические и образовательные ресурсы и терминология» (Казань, 2004); «Современные языковые процессы Республики Татарстан и Российской Федерации: Законодательство о языках в действии» (Казань, 2007); «Тенишевские чтения» (Казань, 2007); «IV Тумашевские чтения» (Тюмень, 2010). Результаты, полученные в ходе исследования, докладывались и обсуждались также на ежегодных итоговых научных конференциях ИЯЛИ АН РТ в городе Казани, на заседаниях и семинарах отдела лексикографии ИЯЛИ АН РТ (2000–2008 гг.). Работа обсуждалась на заседании отдела лексикографии ИЯЛИ АН РТ.

Содержание диссертации отражено в 55 опубликованных работах, в числе которых две монографии, один словарь и 12 статей в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, утверждённый ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, шести глав, Заключения, содержит библиографический список и список источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновываются актуальность и новизна разрабатываемой проблемы, указываются цель, задачи исследования, его теоретическая и научно-практическая значимости, излагается основное содержание работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Теоретико-методологические аспекты исследования субстантивации в татарском и русском языках» рассматриваются общетеоретические вопросы разрабатываемой проблемы.

Субстантивация широко распространена в татарском и русском языках. Субстантивироваться может практически любая часть речи. Однако в татарском языке наиболее развита субстантивация прилагательных, причастий и имён действия, в русском – субстантивация прилагательных, причастий и местоименных прилагательных.

Первый параграф посвящен изучению субстантивации как разновидности транспозиции. Изменение языка, его грамматического строя проявляется в различных транспозиционных процессах, в т.ч. и в переводе слов из одной лексико-грамматической категории в другую или его употребление в функции другой части речи. Изменение функции слова в речи, накопление нового грамматического качества, возникновение новых связей с другими словами и утеря старых связей, а главное – семантические возможности создают условия для перехода частей речи.

Транспозиционные возможности разных классов слов в русском языке не одинаковы (Дьячук 1988; Ким 1978; Мигирин 1971; Шигуров 1988). Как считает О.М.Ким, «чем богаче система значений, форм и функций у семантического класса, тем шире его транспозиционные возможности и наоборот, чем беднее семантика, форма и функции семантического класса, тем уже его транспозиционные возможности»¹. По справедливому мнению В.В.Шигурова, «процесс переходности охватывает все семантико-грамматические классы слов, но наиболее активно он развивается в именах, наречиях и служебных частях речи. Что касается глагольной системы, то здесь в названный процесс вовлекаются лишь причастия и деепричастия»².

Существование явлений переходности, по мнению исследователей, обусловлено внеязыковыми факторами, а именно «потребностью в более экономном, но точном и семантически емком выражении информации о действительности»³. Как отмечает М.Ф.Лукин, «законы развития язы-

¹ Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ташкент, 1978. – С.17.

² Шигуров В.В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении: Учебное пособие. – Саранск: Изд-во Саратовского ун-та, Саранский филиал, 1988. – С.9.

³ Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка и методика их изучения // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. – М, 1988. – С.5.

ка определяются коммуникативными потребностями членов социально-го коллектива. К этим потребностям восходят все причины изменений, инноваций, новообразований в языке, в т.ч. и так называемый переход слов из одной части речи в другую»⁴. В качестве главной причины существования переходности в системе частей речи исследователи называют «потребность человека в выражении многообразных оттенков мыслей имеющимися языковыми средствами»⁵. Благодаря транспозиции «одна и та же семантика может переходить с одного уровня языка на другой, расширяя синтаксические возможности языка, способствуя более точному оформлению мысли и придавая исключительную гибкость выражению»⁶. Переходные явления можно рассматривать как специальный механизм, предохраняющий язык от перегрузки лексическим материалом. А.А.Кизюкевич считает, что транспозиция «функционально объединяется со способом аффиксации, восполняя его недостаточность», а преимуществом транспозиции является то, что в ходе этого процесса «материально слово не образуется»⁷.

Во втором параграфе раскрываются типы субстантивации в сопоставляемых языках. В зависимости от особенности употребления, функционирования в речи в отечественной лингвистике выделяется полная (узальная), окказиональная и эллиптическая субстантивации.

Узальной субстантивации подвержен достаточно строго очерченный круг грамматических форм (в татарском языке это в основном «причастия на -учы, -уче и имена действия на -у», в русском языке – это «слова прилагательного склонения» (прилагательное, причастие, местоимение-прилагательное, порядковое числительное)), в то время как окказиональная субстантивация принимает в свой состав практически любые языковые единицы. Для разделения субстантивации на узальную и окказиональную необходимо учитывать грамматическую природу и семантическую структуру субстантивированного слова. Исследователи (напр., Яцкевич 1977; Бабайцева 1983 и др.) отмечают, что в узальных субстантиватах на первый план выступает предметное значение, а в окказиональных единицах преобладает семантика исходной части речи. Ср. субстантивированные прилагательные в контекстах: *Беркенне шул танымымны*

⁴ Лукин М.Ф. Переход частей речи или их субституция? // Филологические науки. – М., 1982. №2. – С.78.

⁵ Баудер А.Я. К лингвистической интерпретации явлений переходности в грамматическом строе русского языка // Филологические науки. – М., 1980. №5. – С.80.

⁶ Дьячук И.В. Проблема транспозиции на уровне частей речи // Развитие частей речи в истории русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. – Рига: Изд-во ЛатвГУ, 1988. – С. 42.

⁷ Кизюкевич А.А. Безаффиксная транспозиция личных субстантивов (на материале русского и польского языков) // Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках: М-лы III респ. конф. (5–6 окт. 1989 г.). – Гродно, 1990. – С. 168.

очерттым (Г.Гыйльманов). 'Недавно встретил того знакомого'. *Жулар кызылга кызыга* – Дурак красному рад (Посл.); *Один знакомый позвонил из Дейвиса в Техасе ...* (С.Довлатов). *Низенький, совершенно квадратный человек... в сиреновом пальто и лайковых рыжих перчатках стоял у прилавка... У сиренового не хватало чего-то в лице, а наоборот, скорее было лишнее...* (М.Булгаков). В первом случае произошла узуальная субстантивация, обладающая четко выраженным категориальным значением предмета (лица) и удаленным признаковым компонентом, тогда как второй субстантиват – окказиональный – определенно указывает на признак называемого предмета (лица), т.е. имеет тесную связь с семантикой исходного прилагательного.

Окказиональные единицы речи – реально существующие слова, созданные для случая и по случаю. Они имеют, как правило, яркую эмоциональную окраску и употребляются в разговорном стиле и в текстах художественной литературы. Напр.: [*Халил*] *моңың шикелле «юу» мәжлесләрен котылгысыз бернәрсә итеп санарга ... күнеккән иде инде* (Ә.Еники). '[Халил] уже привык считать ... такого рода посиделки – «обмывания» чем-то неизбежным'; *Полковнику померещилось, что на багажнике, растопырив ноги, сидит прыщавый, но велосипед уже проехал и свернул на тропу* (С.Юрский).

При эллипсисе двучленное выражение предмета и его признака заменяется однословным выражением этого же представления. Когда в речи сочетание «прилагательное (причастие, числительное, местоимение) + существительное» становится привычным, употребление существительного при нем становится необязательным. Эллипсис можно объяснить стремлением к лаконичности изложения, экономией речевых средств, воспринимаемое как устранение избыточной информации. Напр.: *Әнизәр сатучы биргән шоколадны һәм өч «унлык»ны кыенсынган кебек кенә алды да бер читкә барып басты* (Г.Гыйльманов). 'Анизар как бы чувствуя неловкость, взял шоколадку и три «десятирублевые», которых дала продавщица, и встал в сторонке'. *Ту да рәхмәт диеп кара Сине тудыручыга!* (Н.Измайлова). 'Родись и попробуй скажи спасибо Родившей тебя!'; *Что же, пиши меня на основную [то есть на работу]* (Работ.). *Отец – знаменитый сварщик, а еще она в строительном заочница* (В.Кожевников). – *И слава богу, – облееченно решила Лариса. – Я в этом году медицинский уже кончаю. А что ты в мирной жизни делать собираешься? – Осенью в педагогический поступать буду* (А.Степанов).

Закрепляются в языке и фиксируются в словарях, только результаты субстантивации в узком, морфологическом понимании (т.е. узуальные субстантиваты). В настоящей работе субстантивация рассматривается как в языковом (узуальные), так и в функциональном (окказиональные) аспектах.

Третий параграф посвящен вопросу отношения субстантивации к конверсии. «Конверсия есть такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова»⁸.

У исследователей нет единого мнения в вопросе разграничения субстантивации, адвербиализации (и подобных им явлений) и конверсии. Особые споры вызывает разграничение конверсии и субстантивации. Оба эти явления относятся к наиболее характерным способам образования новых единиц языка. То, что результатом этих способов образования новых единиц языка является получение нового слова, омонимичного по форме исходному слову, привело к тому, что эти явления стали считать тождественными и объединили под общим названием «конверсия». Самой распространенной точкой зрения на природу конверсии и субстантивации является мнение лингвистов относительно тождественности этих явлений. К ученым, разделяющим эту точку зрения, относятся Е.И. Чапник (1952), А.Я. Загоруйко (1960), Г.П. Троицкая (1964). Ф.А. Ганиев (1985, 1990, 2000, 2004).

Мы также считаем, что эти явления тождественны, т.к. слова, образованные по конверсии, не имеют никакого отличия от слов, образованных путем субстантивации – новые слова в обоих этих случаях образуются без использования специальных словообразовательных аффиксов, путем включения основы одной части речи в парадигму слова и соответствующую сочетаемость другой части речи.

В четвертом параграфе рассмотрены аспекты изучения субстантивации. Тематическая классификация субстантиватов представляет собой определенные модели, которые в большинстве случаев тождественны в исследуемых языках. Схожесть семантических моделей в татарском и русском языках убедительно демонстрирует определенную общность в системе образования субстантиватов в разноструктурных языках, что свидетельствует о наличии межязыкового сходства. Семантика субстантиватов весьма обширна; практически самая различная по значению (человек, его поведение и деятельность, животные, пища, одежда, предметы домашнего обихода и др.).

Наличие отличительных для каждого языка семантических моделей определяется спецификой национального восприятия слова.

Из общего числа семантико-тематических моделей субстантиватов особо выделяется модель со значением лица, общая и центральная для субстантиватов всех частей речи (*авыру – больной, безнекеләр – наши, өлгермәүчеләр – неуспевающие, өченчесе килмәде – третий не пришел*).

⁸ *Смирницкий А.И.* По поводу конверсии в английском языке // *Иностранный язык в школе.* – 1953. – №3. – С. 12-24.

Наибольшим числом моделей характеризуются субстантивированные прилагательные, довольно многочисленны субстантивированные причастия, немногочисленны субстантивированные числительные и местоимения.

В структурном плане наблюдаются различные типы субстантиватов. В большинстве случаев они имеют общее проявление: семантико-тематически они соответствуют однословной форме (*ярлы – нищий, гаепләуче – обвиняющий, икенче – второе* (блюдо), *мин – я*).

Диктующим элементом субстантивации являются функциональные целевые задачи речи. Речевая потребность диктует функциональное выражение субстантивата. Функциональная загруженность субстантиватов, восходящих к различным частям речи, неодинакова. Максимальная функциональная загруженность отмечена у субстантивированных прилагательных. В обоих языках субстантивированные прилагательные прослеживаются во всех стилях речи: в официально-деловой письменности: *гомуми – общее, расми – официальное* и т.д.; в научном языке: *билгесез – неизвестное, бөтен – целая* и т.д.

Основной сферой употребления субстантивированных причастий является книжная речь, что объясняется природой причастий, их сущностью и свойствами как части речи, напр., *бүленүче – делимое, сөйрәлүчеләр – пресмыкающиеся*.

Сфера употребления субстантивированных числительных преимущественно окказиональная, отражается в речевом, ситуативном проявлении (*– Син ничәнчедә укыйсың? – Биштә (бишенчедә) – Ты в каком учишься? – В пятом*).

Функционально-стилистическая характеристика субстантивированных местоимений в первую очередь проявляется в их особой употребительности в разговорной речи. К числу разговорных в обоих языках относятся субстантиваты: *безнеке – наш* (человек, имеющий к нам отношение *начальник, хозяин* и т.д.), *наше* (то, что принадлежит или свойственно нам); *синекеләр – твои* (родные, близкие кого-л.); *үзе – сам* (хозяин, глава дома, семьи, предприятия, учреждения и т.д.).

Субстантиваты широко представлены в пословицах и поговорках обоих языков: *юши булсаң басалар, усал булсаң асалар* 'будешь злым – повесят, будешь мягким – раздавят', *кырыкка ярылу* 'расколется на сорок частей', *үзеңнеке – үзәктә* 'свое – в центре'; *глухаму две обедни не служат, знающий молчит, не знающий говорит, в гору семеро едва тянут, а под гору и один столкнет, я – последняя буква в алфавите*.

Есть случаи адекватного соответствия в обоих языках субстантиватов в составе пословиц, поговорок и фразеологизмов: *корыны бушка аудару – переливать из пустого в порожнее, батып баручы саламга ябыша – утопающий хватается за соломинку, берәү сука белән, жидәү кашык белән – один с сошкой, семеро с ложкой*.

С точки зрения временной дистрибуции, среди анализируемых лексем есть слова, отражающие различную степень давности: архаические (*яшеллар* 'рекруты'; *городничий, каторжный* (каторжник); устарелые (*беренче* – первый, *икенче* – второй (в значении – секретарь обкома, горкома), *төмән* 'десять тысяч'), новые (*эш бирүче* 'работодатель'; *текә* – крутой; *мобильный, сотовый* и др.).

По стилистическому статусу выделяются субстантиваты разговорно-просторечные (*ялырбаш* 'лысый', *тумрау* 'чурбан, колода'; *суленое* (обещанное), *чумовой* (шалльной); книжные (*кәшеф итүче, кәшеф кылучы* 'открыватель, изобретатель', *кемдер* – кто-либо, *кайбер* – некторый; *ученый, просвещенный*), диалектные (*арбаучы* 'колдун', *арчалаучы* 'заступник, защитник'; *алты-биш* 'шесть и пять' (о слабоумном человеке); *волочащий* (волокита, повеса); *пёрший* (первый).

Широкая фиксация данных слов в произведениях классиков, современных писателей и публицистов, а также в разговорной, просторечной, диалектной и сленговой речи наглядно демонстрирует их функциональную активность.

Вторая глава «Субстантивация имен прилагательных в татарском и русском языках» посвящена раскрытию транспозиции имен прилагательных в имена существительные в сопоставляемых языках.

В первом параграфе рассматриваются разновидности перехода имен прилагательных в имена существительные. Среди субстантиватов обоих языков с точки зрения связи с именем прилагательным как словообразующим элементом можно выделить две разновидности: 1) субстантиваты как результат непосредственного перехода имени прилагательного в имена существительные и 2) как результат опосредованного перехода (причастие → имя прилагательное → имя существительное). В татарском и русском языках самым продуктивным и распространенным способом является непосредственный переход, когда имя прилагательное непосредственно переходит в класс имен существительных. Внутри этой разновидности можно выделить несколько разрядов: 1) субстантиваты как результат лексико-грамматической омонимии (образования омоформ) (*ак* 'белый' и *ак* 'белок, бельмо', *авыр* 'тяжелый' и *авыр* 'беременность'; *горючее вещество* и *горючее, рыжий цвет* и *рыжий* (клоун)); 2) субстантиваты как результат использования имени прилагательного при обращении (*кадерлем* – дорогой (мой), *сөеклем* – милый (мой)); 3) субстантиваты как результат переносного значения имени прилагательного (*эшкә* 'плохой' → *эшкә* 'грязь'; *горячее* 'о спиртных напитках', *кладовая* 'о сложении ценного, ненужного'); 4) субстантиваты как результат калькирования (*аклар* – белые, *партояклылар* – парнокопытные; *внешнее, внутренне, вселенная*); 5) субстантиваты как результат окказионального употребления; 6) субстантиваты как результат эллипсиса; 7) субстантиваты как результат образования самого прилагательного по готовой словообразовательной

модели (модель на «-лы»: *ярлы* 'бедный, бедняк', *жәяүле* 'пешеход'; модель на «-ая»: *пельменная, пирожковая*); 8) субстантиваты как результат употребления имени прилагательного в форме Pl tantum (*кызыллар* – красные; *яшьлар* – молодые); 9) субстантиваты как результат употребления имени прилагательного в форме singularia tantum (*гомуми* – общее, *начар* – дурное).

Во втором параграфе анализируются семантические модели субстантивированных имен прилагательных. Субстантивированные прилагательные в зависимости от общего для ряда слов лексического значения в татарском и русском языках представлены следующими семантическими моделями со значениями: 1) лица: *аксак* – хромой, *бай* – богатый; 2) различных классификаций растительного и животного мира: *кузаклылар* – бобовые, *агулылар* – ядовитые; 3) названия животных: *кара* – вороной, *күк* – сивый, *туры* – гнедой. Как показывают факты, данная модель в сопоставляемых языках представлена мастью животных (лошадей); 4) отвлеченных, абстрактных понятий: *иске* – старое, *мөһим* – важное; 5) различных временных понятий: *айлык* – ежемесячное, *әүвәлге, элекке* – прежнее, прошлое; 6) напитков: *ак* – белое, *кырыкы* – сорокоградусная; 7) различных монет, бумажных денег: *бишлек* – пятирублевая, *йөзлек* – сотенная; 8) «одежда и материал для ее изготовления». Субстантивированные прилагательные данной группы мотивированы прилагательными цвета: *соры* – серое, *чуар* – пестрое. Субстантиваты типа красное, синее, черное преимущественно имеют собирательное значение, кроме того, они могут обозначать предмет по материалу определенного цвета и сам материал. В субстантивации участвуют близкие по значению к цветообозначениям прилагательные, не называющие конкретного предмета, но указывающие на наличие хроматического тона: *чәчәкле* – цветастое; 9) среди диалектизмов обоих языков отмечается субстантивированное прилагательное *йомшак* – мягкий в значении 'хлеб'; 10) отвлеченного понятия цвета: *ак* – белое, *кызыл* – красное и др.

Таковы общие для обоих языков семантические модели субстантивированных прилагательных, которые совпадают не только тематически, но нередко семантически однозначны (*аксак* – хромой, *саран* – скупой, *яшеллар* – зеленые).

Наряду с универсальными моделями есть и уникальные, т.е. присущие только одному из сопоставляемых языков, напр., татарскому языку со значениями: 1) оценки: *бишле* 'пятерка', *яхшы* 'хорошо'; 2) игр: *акчалы* 'игра в деньги', *есермеберле* 'игра в двадцать одно'; 3) «вышедшие из употребления, старые вещи»: *ватык* 'осколок', *ертык* 'рвань'; 4) «природные явления и состояние»: *салкын* 'холод', *юеш* 'влага'; 5) «материал»: а) для изготовления одежды (*чалбарлык* 'брючный материал', *чолгаулык* 'портяночный материал'); б) для хозяйства и постройки (*рамлык* 'материал, годный для изготовления рамы', *тушәмлек* 'материал для потолка'); б) ве-

ществ: *ачы* 'кислота', *миңгерәткеч* 'дурман'. Как подтверждают факты, эквивалентами субстантиватов, рассмотренных групп татарского языка, в русском выступают базовые существительные или словосочетания.

Русскому языку характерны следующие модели со значениями: 1) помещения: *детская, столовая*. Данная модель является многочисленной и продуктивной в русском языке, по своей численности уступая лишь модели со значением лица. В татарском же языке эта группа полностью отсутствует; эквивалентами русских субстантиватов данной модели в татарском языке выступают базовые существительные (*парикмахерская* – *чәчтарашханә*, *рюмочная* – *чәркәханә*); 2) различных лекарств, медикаментов. Эквивалентами русских субстантиватов данной группы в татарском языке выступает: а) вторая форма изафета существительных: *глазное* – *күз даруы*, *снотворное* – *йокы даруы*; б) описательная конструкция: *рвотное* – *костыра торган дару*, *слабительное* – *эч йомшарткыч дару*; 3) «официальная бумага, документ»: *больничный*, *накладная*, *обходной*. Большинство русских примеров данной группы – слова устаревшей лексики: *духовная*, *подорожная* и др., что является одной из причин отсутствия их эквивалентов в татарском языке. Субстантиваты типа *больничный*, *накладная*, передаются на татарский язык описательно: *авыруларга бирелә торган бюллетень*, *жибәреләсе товар исемлеге язылган кәгазь*; 4) различных мифических существ. Это слова, называющие Бога (*всевышний*, *вышний*, *предвечный*, *пресвятая*, *пречистая*) и духов (*водной*, *леший*, *банный*). Понятия, обозначающие богов, лакунарны для татарского языка. Эквивалентом всех этих слов в татарском языке выступает словосочетание: *Аллаһы (ходай) тәгалә* или слово *Алла*; 5) «музыкальные инструменты»: *ударные*, *щипковые* и т.д.; 6) «виды работ»: *курсовая*, *дипломная*, *контрольная* и т.д. Употребление указанных лексем ограничено семантически. Они характеризуют сферу учебы, научной работы, практических и теоретических занятий. Сфера употребления этих лексем – разговорная; 7) «средства связи». Данная группа является продуктивной, что обеспечивается за счет быстрого развития и вхождения в потребительское обращение последних достижений техники и электроники. Такими субстантиватами-новинками являются возникшие в конце XX столетия лексемы *отовый* и *мобильный*.

<i>Модели</i>	<i>В татарском языке</i>	<i>В русском языке</i>
значение лица	609 – 59,9%	650 – 40,7%
значение различных классификаций растительного и животного мира	116 – 11,4%	170 – 10,6%
значение отвлеченных, абстрактных понятий	86 – 8,46 %	110 – 6,9 %

значение различных временных понятий	23 – 2,26 %	23 – 1,44 %
значение пространственных понятий	22 – 2,16 %	27 – 1,69 %
значение отвлеченного понятия цвета	19 – 1,87%	19 – 1,19 %
название животных	14 – 1,37 %	40 – 2,5 %
значение игр	10 – 0,98 %	10 – 0,62 %
значение различных болезней	10 – 0,98 %	8 – 0,5 %
значение различных монет, бумажных денег	9 – 0,88 %	22 – 1,38 %
значение «одежда и материал для ее изготовления»	8 – 0,78 %	20 – 1,25 %
значение блюд и кушаний	7 – 0,68 %	27 – 1,69 %
значение напитков	5 – 0,49 %	23 – 1,44 %
значение посуды, кухонной утвари	5 – 0,49 %	2 – 0,12 %
субстантиваты, обозначающие различные виды платы, пошлин	2 – 0,19 %	90 – 5,64 %
со значением материал: а) предназначенный для изготовления обуви или одежды; б) предназначенный для хозяйства	18 – 1,9 %	–
субстантиваты, обозначающие природные явления	14 – 1,37%	–
значение веществ	14 – 1,37%	–
субстантиваты, обозначающие вышедшие из употребления, старые вещи	12 – 1,18%	–
значение оценки, отметки	7 – 0,68 %	
значение помещения	–	255 – 15,9%
общее значение «официальная бумага, документ»	–	30 – 1,88 %
названия мифологических существ	–	23 – 1,44 %
значение различных лекарств, медикаментов	–	20 – 1,25 %
общее значение «музыкальные инструменты»	–	10 – 0,62 %
общее значение «виды работ»	–	10 – 0,62 %
субстантиваты с общим значением «средства связи»	–	5 – 0,31 %
разрозненные	6 – 0,59 %	–
всего	1016	1594

В третьем параграфе проводится обзор функционально-стилистических особенностей субстантивированных имен прилагательных. Стилистический план употребления субстантивированных прилагательных в обоих языках достаточно широк, они могут быть как элементами разговорного, так и подвидов книжного стиля речи. Подавляющее число анализируемых единиц представлено в нейтральном стиле: *бай – богатый, татлы – сладкое*.

Субстантиваты участвуют в формировании общественно-политической, социальной лексики: *зәңгәрләр – голубые, суллар – левые, ультра уңнар – ультраправые* и т.д.

Субстантивированные прилагательные в обоих сопоставляемых языках используются в образовании собственных имен (антропонимов, эргонимов, прагматонимов и др.). В татарском языке: *Гүзәл, Иркә, Сьлу* (женские имена), *Батыр, Газиз, Камил, Нәфис* (мужские имена) и др. В русском языке среди антропонимов, образованных субстантивацией, отмечены как имена, фамилии (патронимы), так и прозвища людей: *Грозный, Горький, Премудрый* и др.

Замечено также обилие заглавий с субстантивированными прилагательными, напр., в названиях художественных произведений: *Бәхетсезләр бәхете* (Ф.Садриев). 'Счастье несчастных', *Жилкәнсезләр* (К.Тинчурин). 'Без ветрил', *Матур туганда* (Ш.Камал). 'Когда рождается прекрасное'; *Кроткая* (Ф.Достоевский), *Нищий* (М.Лермонтов); *Толстый и тонкий* (А.Чехов); в названии телепередачи: *Очевидное-невероятное*.

Субстантивированные прилагательные участвуют и в образовании эргонимов (наименования организаций и др.). В татарском языке это примеры типа: *Бәхетле* 'счастливый' (торговый центр), *Тамле* 'вкусный' (кондитерская), *Татлы* 'сладкий' (магазин продуктовый), *Бай* 'богатый' (видеостудия) и др. В русском языке – *Связной, Парикмахерская, Шашлычная* и др.

Высокочастотными в обоих сопоставляемых языках выступают субстантиваты нейтрального стиля (в татарском языке их 48%, в русском – 49,7% от общего количества). Субстантиваты разговорного и книжного стилей в обоих языках умеренночастотны (16 %).

Как в татарском, так и в русском языках малочастотны образования пассивной лексики: диалектные (в татарском – 3,6%; в русском – 6,4%), устаревшие (3,4% и 5,1%), неологизмы (0,3% в татарском языке и 4,7% в русском).

Об активности отдельных субстантиватов свидетельствует их употребление в пословицах, поговорках и во фразеологизмах, напр., в татарском языке: *ертык тишектән көлә* 'прореха смеется над дыркой', *иркә кайда, юләр шунда* 'где избалованность, там и глупость'; в русском – *тихий наедет, а бойкий сам наткнется; умный знает и спросит, а глупый не знает и не спрашивает*. Они встречаются в разного рода афоризмах: *новое – это хорошо забытое старое; лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным*.

Встречаются случаи адекватного соответствия в обоих языках субстантиватов в составе пословиц, поговорок и фразеологизмов: *тиле кызылга кызыга – всякий дурак красному рад, бөкрене кабер генә төзәтә – горбатого только могила исправит* и др.

Третья глава «Переход от глагольных образований в имена существительные в татарском и русском языках» посвящена анализу субстантивации причастий в татарском и русском языках, и переходу имен действия в имена существительные в татарском языке.

В первом параграфе анализируются пути, способы и условия перехода причастий в имена существительные. Переход причастий в существительные сопровождается тем, что отпадает надобность в определяемом существительном, категории рода, числа и падежа у них становятся независимыми, в предложении они выполняют характерные для существительного синтаксические функции, могут иметь при себе определения, т.е. у них развивается значение предметности и утрачиваются глагольные признаки, напр., *будущее – килэчэк, ведущий – алып баручы, провожающие – озатучылар* и т.д.

Субстантивация причастий в обоих сопоставляемых языках имеет девять разновидностей: 1) субстантиваты как результат непосредственной (причастие → существительное) субстантивации причастий. Напр.: *Һәм килэчәктә укучының күрмәгән күрсәтмәкләренә зур ышаныч уята* (М.Кәбиров). 'И верится, что задаст жару читателю в будущем'. *Язучыга укучыларының күп булуы мөһим, артистларга – заллар тулуы...* (М.Кәбиров). 'Для писателя необходимо, чтоб было больше читателей, а для артистов – полный зал'; *Мужчина за столом начал читать: – ... Возраст тридцать лет, рост метр шестьдесят восемь... Имеется отчетливая вдавленная борозда на лобной части головы, наличие темного пятна на верхнем веке правого глаза... – Читающий поднял голову и внимательно посмотрел на Есенина, – от кого же Вам так досталось, голубчик? Не сами же Вы себе фингал под глазом поставили? – И прежде, чем Сергей успел объяснить, читающий сказал, – ну ладно-ладно, с этим потом...* (Ю.Гранатова); 2) субстантиваты как результат опосредованной (причастие → прилагательное → существительное) субстантивации причастий. Напр.: ... *вакыт, туктамыйча агучы һәм агулаучы вакыт* (Ф.Яхин). '... время, непрерывно текущее и отравляющее время'. *Халкыбызның аң-зиенен агулаучы бу бәндәләр татарча сөйләшсә дә, аларны татар дип әйтәргә тел әйләнми...* (БГ). 'Язык не поворачивается назвать этих людей, отравляющих сознание народа, татарами, хотя они и говорят по-татарски'. *Үз-үзләрен агулаучылар төтен ныскыткан арада, әлеге куркыныч чирдән файдаланып акча эшләргә теләүчеләр көннән-көн арта* (ВТ). 'В то время как самоотравители дымят, желающих заработать на этом страшном недуге становится все больше'; *Секретарь Гарина, одна из пишущих барышень и двое рассылных были агентами Мак Линнея* (А.Толстой); 3) субстантиваты как результат окончательного перехода причастия в имена существительные, т.е. как результат полной субстантивации (*укытучы* 'учитель', *көтүче* 'пастух'; *приданое, подсудимый*); 4) субстантиваты как результат окказионального употребления причастия (неполная субстанти-

вация): *бирүче һәм алучы бэхәсе* – спор *дающего* и *берущего*; 5) субстантиваты как результат эллипсиса (*утелгән* (материал) – *пройденный* (материал)); 6) субстантиваты как результат употребления причастия в форме Pl tantum (*имезүчеләр* – *млекопитающие*, *сөйрәлүчеләр* – *пресмыкающиеся*); 7) субстантиваты как результат закрепления причастия в форме Sg tantum (*кимүче* – *уменьшаемое*, *бүленүче* – *делимое*); 8) субстантиваты как результат употребления сложных слов, одним из компонентов которых являются причастия (*ил гизүче* ‘путешественник’, *эшбашкаручы* ‘делопроизводитель’; *впередсмотрящий*, *незаконнорожденный*); 9) субстантиваты как результат использования причастия при обращении: *Гаепләнүче, ба-сыгыз!* – *Обвиняемый, встаньте!*

В процентном отношении разновидности субстантиватов можно представить следующим образом: как результат непосредственной субстантивации причастий – 24%; опосредованной субстантивации причастий – 20%; окончательного перехода причастия в имена существительные (результат полной субстантивации) – 18% и 9%; окказионального употребления причастия – 12% и 13%; эллипсиса – 7,4% и 11%; употребления причастия в форме Pl tantum – 5,8% и 6,8%; употребления сложных слов, одним из компонентов которых являются причастия – 5,4% и 5,6%; закрепления причастия в форме Sg tantum – 4,8% и 6,8%; использования причастия при обращении – 2,6% и 3,8%.

Вышерассмотренный материал показывает, что разновидности перехода субстантивированных причастий в имена существительные по языкам в принципе совпадают. Количественное несоответствие некоторых разновидностей, объясняется, в первую очередь, разным количеством мотивирующих причастий, т.е. тем, что большинство причастий татарского языка на русский язык передается именем существительным (*укытучы* – учитель, *көтүче* – пастух, *сайлаучы* – избиратель и т.д.).

В разделах «субстантиваты как результат непосредственной субстантивации причастий» и «субстантиваты как результат опосредованной субстантивации причастий» квантитативный анализ может быть только приблизительным, т.к. одно и то же причастие, в зависимости от контекста, может быть результатом как опосредованной, так и непосредственной субстантивации. Напр.: *Ял итүчеләр ... мәйданчыкка килеп чыгачак* (ШК). ‘Отдыхающие ... выйдут на площадку’. ... *ял итүчеләр* (= *ял иткәннәр*) *белән сөйләшсезгә булдым* (ВТ). ‘Решил поговорить с отдыхающими (= отдохавшими)’; *Провожжающие*, (= *провожавшие*) *тешнясь, взволнованно перекидываясь словами, побежали из сарая к толпе на пустырь ...* (А.Толстой) и *Пассажирский терминал создан на основе государственных стандартов, и имеет все условия. В том числе: зал ожидания для пассажиров, перрон для провожающих ...* (Тис). В первых примерах слова *ял итүчеләр* ‘отдыхающие’ и *провожающие* – результат непосредственной

субстантивации (субстантивированное причастие сохраняет признаки глагола), а во втором случае – опосредованной.

Во втором параграфе демонстрируются семантико-тематические и структурные особенности субстантивированных причастий. Субстантивированные причастия в татарском и русском языках образуют восемь семантико-тематических групп. Основное количество причастий в обоих сопоставляемых языках субстантивируется со значением лица (если в татарском языке всего 941 пример, из них 900 – со значением лица (это 96% от общего количества), в русском языке из 348 примеров, 277 – со значением лица (79,5 % от общего количества). Среди них выделяются:

1. Названия людей в зависимости от рода их занятий, профессии, должности, обязанностей (в татарском языке – 743 примеров; в русском – 228). Лишь часть субстантиватов, входящих в данную подгруппу, одинаково представлена в обоих языках, т.е. они являются субстантивированными причастиями как в татарском, так и в русском языках: *гөрләүче* – *водящий, галяющий; өлгөрмәүче* – *неуспевающий, отстающий* (об учащемся), *рәислек итүче* – *председательствующий* и др.

2. Названия людей в зависимости от их межличностных отношений: *котыртучы* ‘подговорщик’, *күңел азыручы* ‘соблазнитель’; *желанный, уважаемый*.

3. Слова, выражающие характер, какие-либо качества человека, психический склад лица: *жайлашучы* ‘приспособленец’, *пейшмәгән перен.*, *разг.* ‘растяпа’; *одержимый, умалишенный*.

4. Названия людей в зависимости от их физиологических признаков (слова, выражающие физиологическое состояние человека): *жәфаланучы, иза чигүче* ‘страдалец, мученик’; *первородящая, слепорожденный*.

5. Названия людей в зависимости от их организаторских способностей, от их склонности к лидерству: *алда баручы, алдан баручы* ‘лидер, передовик’, *әйдәүче* ‘инициатор, зачинщик, зачинатель’; *впередсмотрящий перен.* (о передовом работнике, новаторе), *преуспевающий*.

Группа, определяющая лицо по его роли в области морских отношений характерна только для русского языка: *впередсмотрящий; завозенный* (Даль – второй лодман).

Субстантивированные причастия в обоих сопоставляемых языках участвуют в образовании терминов (математических, биологических): *алынучы* – *вычитаемое, кисүче* – *секущая, күкәй салучылар* – *ийцекладущие, чагучылар* – *стрекающие*.

Субстантиваты со значением лингвистических терминов отмечены только в русском языке: *мотивирующее, редуцированные; дрожание, шипение*. Эквивалентами данных лексем в татарском языке выступают: а) *базовые существительные: подлещажее* – *ия, сказуемое* – *хәбәр*; б) *имена прилагательные: дрожание* – *калтыравык, калтыравыклы, тетрәүле*; в) *несубстантивированное причастие: мотивирующее* – *дәлилләүче, редуци-*

рованный – кыскарган, кыскартылган (сузык); *шипящие* – чыжылдаучы (тартыклар).

Группа субстантивированных причастий со значением отвлеченных, абстрактных понятий обнаружена в обоих сопоставляемых языках: *уткан(нар)* – *пройденное, минувшее*; *күргән(нар)* – *увиденное*.

Есть группы, характерные только одному из исследуемых языков, напр., татарскому языку: 1) субстантивированные причастия с общим значением «машина для ...»: *брикетлаучы* 'брикетировщик (машина для брикетировки)', *брошюралаучы* 'брошюровщик'; 2) разрозненные: *элгән-таққан диал.* 'полотенца, занавески и т.п.'; *кыстырган диал.* 'национальное мучное изделие (йакмыш)'

Ряд групп характерен только для русского языка: 1) субстантиваты, обозначающие звонки: *входящие, исходящие*; 2) субстантивированные причастия, обозначающие отвлеченные понятия в философии: *познающее, познаваемое*; 3) слово, обозначающее снаряд по устройству, действию: *трассирующие*; 4) субстантиваты самых разнообразных лексических значений, не образующие так называемых групп: *ископаемое, растворимый* (кофе), *славущая* (праздник), *съезжая устар.* (помещение).

Ниже представлена таблица с семантической классификацией субстантивированных причастий в татарском и русском языках, где указано количественное и процентное отношение числа лексем, составляющих ту или иную семантико-тематическую группу, к общему числу субстантиватов.

<i>Семантико-тематические группы</i>	<i>В татарском языке</i>	<i>В русском языке</i>
I. Значение лица	900 (96 %)	277 (79,5 %)
I.1. Названия людей в зависимости от рода их занятий, профессии, должности, обязанностей	743	228
I.1.1. По роли в юридической сфере	95	25
I.1.2. По роли в сфере воспитания и обучения, образования, науки	43	8
I.1.3. По роли в военной сфере	23	36
I.1.4. По отношению к средствам массовой информации, связи	23	8
I.1.5. По отношению к музыкально-хореографической или сценической деятельности	20	12
I.1.6. По отношению к религии, к общественным мероприятиям	18	7
I.1.7. По принадлежности к сфере спорта, физической культуры	14	3
I.1.8. По отношению к колдовству, магии	14	1
I.1.9. По общественному и социально-имущественному положению	12	15

I.1.10. По отношению к сфере литературы и искусства	11	3
I.1.11. Названия людей в зависимости от их склонности к переездам, путешествиям	9	10
I.1.12. Субстантиваты, обозначающие брачные (семейные) отношения	8	5
I.1.13. По отношению к сфере медицины, здравоохранения	8	7
I.1.14. По роли в сфере политики	8	21
I.1.15. По роли в играх	7	5
I.1.16. По склонности к вредным привычкам	6	4
I.1.17. По отношению к руководящим должностям	4	4
I.1.18. По роли в авиации	2	3
I.1.19. По его отношению к сфере различных отраслей производства	81	—
I.1.20. По его роли, деятельности в области сельского хозяйства	72	—
I.1.21. По его отношению к финансово-экономической и торговой сфере	29	—
I.1.22. По его роли в сфере лёгкой промышленности	26	—
I.1.23. По его роли в строительстве	17	—
I.1.24. По его роли в сфере общепита	13	—
I.1.25. По его роли в сфере жилищно-бытовых услуг	10	—
I.1.26. По месту жительства	8	—
I.1.27. По его отношению к рыболовецкой деятельности	4	—
I.1.28. По его отношению к сфере ритуальных услуг	1	—
I.2. Названия людей в зависимости от их межличностных отношений	96	15
I.3. Слова, выражающие характер, к.-л. качества человека, психический склад лица	37	11
I.4. Названия людей в зависимости от их физиологических признаков	11	19
I.5. Названия людей в зависимости от их организаторских способностей, от их склонности к лидерству	10	3
I.6. Субстантиваты, называющие лицо в соответствии с их возрастом	3	1
II. Научные термины	31 (3,29 %)	22 (6,32 %)
II.1. Биологические	18	6
II.2. Математические	13	10
II.3. Лингвистические	—	6

III. Субстантиваты, выражающие обобщенно-отвлеченные, абстрактные понятия	6 (0,63 %)	37 (10,6 %)
IV. Субстантиваты, обозначающие звонки	–	2 (0,57 %)
V. Субстантивированные причастия, обозначающие снаряды по устройству, действию	–	2 (0,57 %)
VI. Субстантивированные причастия, обозначающие отвлеченные понятия в философии	–	1 (0,28 %)
VII. Разрозненные	2 (0,21 %)	7 (2,01 %)
VIII. Субстантиваты с общим значением «машина для ...»	2 (0,21 %)	–
Всего	941 (100 %)	348 (100 %)

Третий параграф посвящен раскрытию функциональных особенностей субстантивированных причастий. Субстантивированные причастия в основном являются словами нейтральной лексики, в обоих языках осуществляют различные языковые функции.

Субстантиваты в научной речи используются наряду с союзами, местоимениями и наречиями в качестве специфических средств связи. Так, типичными для научного текста являются фразы: *Алда (югарыда) айтелгәннәрдән (өйрәнелгәннәрдән, тикшерелгәннәрдән, күзәтелгәннәрдән) чыгып (күренгәнчә); тикшерелгәннәргә нигезләнеп (таянып) – основываясь (опираясь) на исследуемое (исследуемый материал), из предыдущего мы узнаем..., прежде, чем перейти к доказательству, укажем следующему..., исходя из вышесказанного...*

Субстантивированные причастия, используемые в официально-деловом стиле, представляют собой немногочисленную группу. Большинство субстантиватов – название профессий и характеристика лица по какому-либо признаку. Для языка официальных бумаг, так же как и для научного стиля, характерно использование устоявшихся формул, клише: *Түбәндә күрсәтелгәннәрдән тыш юридик мөнәсәбәтләр объекты булып ...* (из Постановления РТ). *‘Объектами юридических взаимоотношений кроме нижеуказанных ...’; ... совместно именуемые стороны заключили настоящий договор о нижеследующем ...* (из потребительского договора).

Субстантивированные причастия в обоих исследуемых языках широкоупотребительны во фразеологизмах (крылатых выражениях), пословицах, поговорках: в татарском языке – *жәңгел мал табучы* ‘любитель легкой наживы’, *суз йөртүче* ‘сплетник, клеветник’, *аерылганны аю ашар, бүленгәнне буре ашар* ‘отделившегося медведь съест, разделившегося волк съест’ и т.д.; в русского языке – *навёрстывать упущенное, спасение утопающих – дело рук самих утопающих; бритый стриженного голее*.

Субстантивированные причастия имеют место в сфере собственных наименований, – в названиях произведений художественной литературы, кинокартин и т.д., напр.: *Сөйгәннемнең исеме Сирина* (Г.Гыйльманов).

‘Любимую зовут Сирина’, *Киләчәккә хатлар* (Һ.Такташ). ‘Письма в грядущее’ и др.; «Униженны и оскорбленны» (Ф. Достоевский), «Непокоренны» (Б.Горбатов).

Среди субстантиватов татарского и русского языков, присущих газетно-публицистическому и официальному стилям, выделяются новообразования, напр., *арендага алучы* ‘арендатор’, *хосусыйлаштыручы* ‘приватизатор’; вперёдсмотрящий, инакодумающие, малоимущие.

Субстантивированные причастия имеют место в диалектах обоих исследуемых языков, напр.: *айак өстән йөрүчеләр* ‘люди, обслуживающие свадьбу’, *аш айыручы* ‘человек, который разливает суп, разделяет еду во время угощения’; *доброрезлающий* (доброволец), *забидящий* (обидчик) и др.

В четвертом параграфе анализируются разновидности перехода имён действия в имена существительные в татарском языке.

Имена действия в татарском языке образуются от всех глагольных основ. Это около шести тысяч единиц. Однако, как показывает анализ языкового материала, из них субстантивировались лишь 270.

Важным фактором субстантивации имён действия является их генетическое родство с именами существительными. Э.В.Севортян в работе «Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке», рассматривая глаголообразующие аффиксы, высказал мнение о том, что: «все глаголы и имена, семантически связанные между собой и объединяемые значениями названия процесса, результата и т.д., восходят к корням и производным словам, в которых не было не только грамматического, но иногда и лексического разграничения глагола и имени действия, процесса и его признака (или результата) и т. д.»⁹.

В то же время в татарском языке не все существительные на -у образованы субстантивацией имени действия, есть слова образованные при помощи суффикса -у. Ф.А.Ганиев предлагает следующие критерии различения суффиксального способа словообразования существительных от субстантивации: отсутствие такой глагольной формы в современном татарском языке; при существовании параллельной глагольной формы установление наличия в древней форме звука г в конце слова; отсутствие в производящей основе современного значения или его семантическое изменение. «Наличие отмеченных трёх признаков показывает суффиксальный характер образования изучаемого существительного»¹⁰. Такой подход к решению данного вопроса не всегда соответствует истине.

Во-первых, отсутствие соответствующей глагольной формы в современном языке не всегда может являться показателем суффиксального

⁹ Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – С.423.

¹⁰ Ганиев Ф.А. Современный татарский литературный язык: суффиксальное и фонетическое словообразование. – Казань: Дом печати, 2005. – С.130.

словообразования. Напр., предложенное в качестве примера Ф.А.Ганиевым слово *борау* 'сверло', восходит к древнетюркской глагольной основе *бур-* 'вертеть, повёртывать, поворачивать'¹¹ и является основой для образования вторичного имени действия и омонимичного с ним субстантивата (напр., *борау-лау*). Следовательно, здесь не суффиксальное словообразование, а субстантивация. В данном случае нельзя не согласиться с мнением К.С.Сабирова, который утверждает «по существу данный аффикс относится к глаголообразующим средствам – он образует имена действия, однако часть слов с этим аффиксом окончательно перешла в разряд имён существительных ... Напр., нижеперечисленные слова выступают лишь как имена существительные: *игәү* 'напильник', *тышау* 'пути', *кыршау* 'обруч', *кисәү* 'кочерга', *борау* 'сверло', *утрау* 'остров', *тимрәү* 'лишай', *кырау* 'заморозки', *беләү* 'оселок'»¹².

Во-вторых, при существовании параллельной глагольной формы установление наличия в древней форме звука г в конце слова также не всегда может являться показателем суффиксального словообразования. Приведённое автором в качестве примера слово *йамаз-йамау* в татарском языке является результатом не словообразования, а субстантивации, образованное от омонимичного имени действия *йамау* 'латать'. Сам же Ф.А.Ганиев в работе «Современный татарский литературный язык. Словообразование по конверсии» в разделе «Переход глаголов в существительные» имя существительное *йамау* 'заплата' рассматривает в числе субстантиватов от имени действия, что ещё раз подтверждает правильность наших слов¹³.

В-третьих, отсутствие в производящей основе современного значения или его семантическое изменение, по нашему мнению, также не может выступить убедительным основанием для определения способа словообразования того или иного существительного. Если существительное и омонимичное с ним имя действия исторически восходят к одной и той же древнетюркской основе, то здесь целесообразнее говорить о субстантивации. В то же время в языке есть существительные, безусловно образованные при помощи суффикса -у. Напр., *кыңгырау* 'колокол; колокольчик, звонок', *тимрәү* 'лишай', *чабу* 'пола, фалда' и др. Данные слова, во-первых, не имеют омонимичных глагольных форм ни в современном татарском, ни в древнетюркских языках. Во-вторых, в их семантике отсутствует значение глагола.

¹¹ *Севертян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – С.351.

¹² Современный татарский литературный язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. – М.: Наука, 1969. – С.148.

¹³ *Ганиев Ф.А.* Современный татарский литературный язык. Словообразование по конверсии. – Казань: Дом печати, 2004. – С.39.

Условия субстантивации имён действия заключаются в следующем: а) препозиция имён действия, напр.: *Көту көтәм* 'пасу стадо'; б) метафорическое и метонимическое употребление имён действия, напр., *черем иту* 'дремота', *күз буу* 'гипноз', *кич утыру* 'посиделки'; в) в общности с существительными аффикса -у, -ү; г) предметное значение семантического содержания самих имён действия: *буяу* 'краска', *уку* 'учеба', *үлчәу* 'весы'; д) невозможность имени действия употребляться в отрицательной форме. [*Бал корты*] *Нечкэбилгэ бер сорау (сораману – ?) бирде ...* (А.Алиш). '[Пчела] задала вопрос Нечкэбилю'; е) позиция определения, напр., *сорау интонациясе* 'вопросительная интонация'; ж) закрепление в языке в качестве специальных терминов (идеаллаштыру 'идеализация', яшеллэндерү 'озеленение'; алу 'вычитание', бүлү 'деление' и др.).

Пятый параграф посвящен раскрытию семантических и функционально-стилистических особенностей субстантивированных имён действия в татарском языке. Субстантивированные имена действия в татарском языке образуют довольно большое количество семантических моделей со значениями: 1) различных терминов (научные, спортивные, военные и др.): *индустрияләшү* 'индустриализация', *планлаштыру* 'планирование'; 2) лица: *асрау* 'слуга', *мичәү* 'помощник'; 3) речи: *пышылдау* 'шёпот', *сөйләү* 'речь'; 4) обучения, образования: *сынау* 'экзамен, испытание', *язу* 'письмо, письменность; алфавит; почерк'; 5) различных участков местности: *әрчү* 'делянка', *жәйләү* 'джайляу, летняя стоянка кочевников, выпас, летнее пастбище для скота'; 6) болезней: *жилсенү* 'отёк', *калтырау* 'дрожь'; 7) ремонта, починки, строительных работ: *тарттыру* 'обтяжка (мебели)', *тышлау* 'обивка, облицовка'; 8) предметов быта: *бөркәү* 'полог, покрывало', *үлчәү* 'весы'; 9) «природные явления и состояния»: *ишелү* 'обвал, оползень', *ташу* 'разлив, паводок'; 10) слова, встречающиеся в официально-деловой, номенклатурной речи: *белдерү* 'объявление', *киләшү* 'соглашение'; 11) «религиозно-магическое»: *арбау* 'молитва, волшебное слово, волшебство', *багу* 'ворожба, гадание', *тукату* 'колдовство'; 12) блюд, кушаний: *ашау* 'еда', *эчү-тарту* 'пьянство и курение'; 13) поломки, износа, ветхости: *сыну* 'поломка', *чатнау* 'трещина'; 14) реализации (купли-продажи): *саму* 'продажа, распродажа, сбыт; торговля', *саму-алу* 'купля-продажа, торговля'; 15) консервирования, подготовки продуктов к длительному хранению: *тозлау* 'засол, посол, соленье', *эзерләү* 'заготовка'; 16) предметов одежды: *биләү* 'пелёнка', *чалгау* 'портянка'; 17) финансово-денежной операции: *түләү* 'плата, оплата, платёж; разг. налог'. Итак, субстантивированные имена действия в татарском языке образуют довольно большое количество семантических моделей. В количественном отношении состав групп различен, неодинакова и их продуктивность. Есть группа, состоящая из 120 слов (группа со значением различных терминов), и есть группы, состоящие из 2–3 слов.

Ниже приводится распределение субстантивированных имен действия по семантическим моделям.

Модели	Количество	%
I. Значение лица	74	27,6 %
1.1. Слова, характеризующие отношения между людьми	26	
1.2. Слова, характеризующие психическое (психологическое), эмоциональное состояние человека	26	
1.3. Слова, характеризующие физиологическое состояние человека	15	
1.4. Слова, характеризующие умственную, мыслительную деятельность человека	4	
1.5. Слова, характеризующие лицо по роду занятий, про-	3	
II. Субстантиваты, обозначающие различные термины (научные, спортивные, военные и др.)	120	43,1 %
II. Научные термины	55	
II.1. Универсальные	7	
II.1.1. Со значением литературоведческих терминов	12	
II.1.2. Со значением физических терминов	11	
II.1.3. Со значением биологических (ботанических, зоологических) терминов	8	
II.1.4. Со значением математических терминов, обозначающих математические действия	7	
II.1.5. Со значением лингвистических терминов	7	
II.1.6. Со значением химической терминологии	2	
II.1.7. Со значением философской терминологии	1	
II.2. Со значением сельскохозяйственной терминологии	20	
II.3. Со значением юридических терминов	12	
II.4. Со значением военной терминологии	12	
II.5. Со значением общественно-экономической термино-	10	
II.6. Со значением политических терминов	5	
II.7. Со значением социальных терминов	3	
II.8. Со значением спортивной терминологии	3	
III. Со значением речи	8	2,8 %
IV. Со значением обучения, образования	10	3,4 %
V. Группа субстантиватов, обозначающих различные участки местности	6	2,15 %
VI. Со значением различных болезней	9	3,23 %
VII. Со значением ремонта, починки, строительных работ	8	2,87 %

VIII. Со значением предметов быта	7	2,51 %
IX. Группа субстантиватов, обозначающих природные явления	7	2,51 %
X. Со значением слов, встречающихся в официально-деловой, номенклатурной речи	6	2,15 %
XI. С религиозно-магическим значением	6	2,15 %
XII. Группа субстантивированных имен действия, обозначающие блюда, кушанья, еду	5	1,8 %
XIII. Со значением поломки, износа, ветхости	4	1,43 %
XIV. Со значением реализации (купли-продажи)	3	1,07 %
XV. Со значением консервирования, подготовки продуктов к длительному хранению	2	0,71 %
XVI. Со значением предметов одежды	2	0,71 %
XVII. Со значением финансово-денежной операции	1	0,35 %
Всего	278	100 %

Исходя из вышеизложенного можно констатировать то, что самой высокочастотной является группа субстантиватов со значением терминов, т.к. названия действий и процессов способствуют употреблению имён действия в образовании различных терминов. Особенно много субстантивных образований в составе лингвистической, юридической, литературоведческой терминологии (*алу* 'вычитание', *чагыштыру* 'сравнение' и др.).

Высокочастотностью отличаются также образования со значением лица (*асрау* 'слуга', *мичәу* 'помощник'). Умеренно частотны модели со значениями: обучения и образования (*уку* 'чтение; учение, учеба', *укыту* 'обучение'); болезней (*кычу* 'чесотка, экзема', *сыну* 'перелом'); местности (*әрчү* 'делянка'); ремонта и строительных работ (*торгызу* 'восстановление', *төзәтү* 'починка, ремонт'); предметов быта (*буяу* 'краска', *игәү* 'напильник, подпилоч'); природных явлений (*ишелү* 'обвал, оползень', *ташу* 'разлив, паводок'); слов, встречающихся в официально-деловой речи (*килешү* 'соглашение', *кисәтү* 'предупреждение'); религии (*арбау* 'молитва, волшебное слово, волшебство'); речи (*сөйләшү* 'разговор'); различных математических и лингвистических знаков (*алу* 'минус', *сорау* 'вопросительный знак'); блюд и кушаний (*ашау-эчу* 'еда, пища; питание'). Малочастотными являются слова со значениями дефектов, поломки, износа (*сыну* 'поломка', *тузу* 'износ'); консервирования, подготовки продуктов к длительному хранению (*тозлау* 'засол, посол, соленье', *хәзерләү* 'заготовка'); предметов одежды (*биләү* 'пелёнка', *чолгау* 'портянка').

Продуктивность, активность, частотность употребления субстантиватов в немалой степени зависит от того, в каком функциональном стиле

речи они больше всего употребляются. Отмеченные высокочастотностью терминологические образования в основном характерны деловой, научной речи.

Субстантивированные имена действия широко используются в составе фразеологизмов, пословиц и поговорок: *буре бэйләүгә күнмәс* 'волк не привыкнет к привязи', *дәшмәү – ризалык билгесе* 'молчание – знак согласия'.

В пятой главе «Субстантивация местоимений в татарском и русском языках» рассматриваются особенности перехода местоименных слов в имена существительные в татарском и русском языках.

В первом параграфе анализируется связь местоимений с именем существительным. В обоих языках местоимение, субстантивируясь, перестает обозначать отвлеченное понятие. Основанием для перехода местоимений в существительное является приобретение ими нового категориального значения – значение предметности в широком смысле этого слова. Напр.: *Мин – ул, эни, синең яшь чагың* (Песня). 'Я – она, мама, твоя молодость'; – *Тише; здесь ведь не лес, а я – не он* (Н.Лесков).

Местоимения-существительные по своему лексическому значению соотносительны с именами существительными. Следствиями субстантивного употребления обобщенно-предметных местоимений М.Ф.Лукин считает следующие факторы: 1) возможность обобщенно-предметных местоимений быть носителями признака, быть определяемыми словами; 2) потеря обобщенно-предметными местоимениями склоняемости и сохранение ими начальной формы¹⁴. Напр.: *Син дә сөясеңдер, беләм аны, Тик ул мине, мине ярата...* (Г.Сабирова). 'Ты, наверное, тоже любишь его, я знаю, Но он любит меня, меня ...'; – *Но кто ж тебя пленила? – Она... – Но почему ж ты столько огорчен? И кто виной? Супруг, отец, конечно... – Не то, мой друг! – Но что ж? – Я ей не он* (А.Пушкин).

Субстантивация местоимений-прилагательных может быть рассмотрена как субстантивация имен прилагательных. Они подвергаются субстантивации в тех же синтаксических условиях, что и имена прилагательные. В большинстве своем, – в типичных субстантивных функциях подлежащего и дополнения: *Һәркем үз уена батыл, үз кайгысында йөзә башлады. ... Һәркайсы үзенең уйлады* (З.Зэйнуллин). 'Каждый окунулся в свои мысли и утонул в своем горе. Каждый думал о своем'; *Они замолчали, каждый думал о своем* (Ч.Айтматов).

Местоимения-прилагательные так же, как и прилагательные, имеют степени субстантивации (выделяется контекстуальная и узуальная субстантивация): а) чаще отмечается контекстуальная субстантивация, к которой прибегают иногда в индивидуальном стиле речи писатели и поэты:

¹⁴ Лукин М.Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке. – До-нецк: Изд-во ДГПИ, 1973. – С.56.

Нәрсә эйтерен Саня да, хәтерен калдырган бүтәннәр дә белә алмады (М.Кәрим). 'Что он скажет не знала ни Саня, ни другие, которые обидели его'; *Убийца? Который из двух? И кем?* (А.Пятигорский); б) узуальная субстантивация, напр.: *Идарәгә барганда да һаман үзенекең сөйләде Мөнәвәрә ...* (З.Зәйнуллин). 'Когда шли в правление все о своём говорила Мунавара ...'; *Потом королева Клара помогла Танкреду завести речь опять о своём* (Ф.Сологуб).

В обоих языках процесс субстантиваций местоимений-существительных осуществляется одинаково. В татарском языке субстантивированные местоимения-прилагательные приобретают грамматические признаки имени существительного и начинают изменяться по категориям падежа, числа и принадлежности (*бу – моңың, моңа, моңы, моннан, монда; бу – болар, бусы – болары* и др.). Расхождения по языкам в основном проявляются в структурном несоответствии самих местоимений. Напр., в ряде случаев одному субстантивату русского языка соответствует одно субстантивированное местоимение в татарском языке (*мин – я, кем – кто, нәрсә – что* и т.д.). Есть случаи, когда одному субстантивированному местоимению русского языка соответствует несколько субстантиватов татарского языка. Напр., ряд субстантивированных указательных местоимений татарского языка передаются на русский язык одним и тем же субстантивированным местоимением: *андый, мондый, шундый – такой, бу, шушы – этот, теге, ул, шул – тот*.

Таблица соответствия субстантиватов татарского и русского языков

<i>Разряды местоимений</i>	<i>Татарские субстантивированные местоимения</i>	<i>Русские субстантивированные местоимения</i>
1. Личные		
ед.ч.	<i>ул</i>	<i>он, она, оно</i>
мн.ч.	<i>без, безләр</i>	<i>мы</i>
2. Указательные		
	<i>андый, мондый, шундый</i>	<i>такой, таковой</i>
	<i>бу, шушы</i>	<i>этот</i>
	<i>теге, ул, шул</i>	<i>тот</i>
3. Неопределенные		
	<i>кемдер, әллә кем, берәү</i>	<i>кто-то</i>
	<i>нәрсәдер, әллә нәрсә, нидер, әллә ни</i>	<i>что-то</i>
4. Вопросительные	<i>ничә, ничәү, никадәр, ничаклы</i>	<i>сколько</i>
5. Отрицательные		
	<i>һичкем, беркем, һичберкем</i>	<i>никто</i>
	<i>һичнәрсә, бернәрсә, һичбер нәрсә, берни, һични</i>	<i>ничто</i>

6. Определительные		
	<i>бар, барча, бөтен, һәммә</i>	<i>все</i>
	<i>һәр, һәрбер</i>	<i>каждый</i>
	<i>башка, бутан</i>	<i>иной, другой</i>

Во втором параграфе «Семантические модели субстантивированных местоимений в татарском и русском языках» рассмотрены семантические модели субстантивированных местоимений.

С точки зрения семантики в составе зафиксированных местоимений, которые подверглись субстантивному переосмыслению как в татарском, так и в русском языках, можно выделить следующие семантические модели со значениями: 1) лица: *кайберәүләр* мн. – *некоторые; мин – я; минеке – мой; һәркем – каждый; сезнекеләр* мн. – *ваши; теге, ул – тот*. Напр.: «*Мин!*» *дидем мин, яшәсен «мин!»*... (С.Рамеев) «*Я!*» *сказал я, пусть живёт «я!»*...»; *Ныне она должна была не только все видеть, все слышать, но еще и постигнуть: «А я сама до каких же пор – я? (С.Залыгин)*. В первом случае местоимение я употреблено в своем обычном значении, во втором – в субстантивном. В выражении «*Я и не я*» местоимение имеет значение «человек и внешний мир»; 2) «кто, что принадлежит, свойственно или присуще кому-нибудь»: *аныкы – его, безнеке – наше, минеке – моё*. Напр.: *Башкаларны да Алланы тәгалә яраткан бит. Минеке дәрес, синеке дәрес түгел, дип сүз йөртү хата* (Ислам). «Других тоже бог создал. И спорить: мое верно, твое неверно, ошибка»; *Ну, так на твоё и выходит* (А.Н.Островский); 3) «явление или предмет, только что упомянутые в речи»: *бу – это, ул – оно; теге, ул, шул – тот*. Напр.: *Нәрсә кирәк шуны табам, Бәгырем, дигән була* (В.Хәйдәрова). «Что нужно – то найду, Душа моя, говорит»; *Эх, Петр Андреич, надлежало бы мне посадить тебя под арест, да ты уж и без того наказан* (А.Пушкин); 4) «какой-нибудь предмет из двух или нескольких, которому противопоставляется другой, прочие»: *анысы, теге, шул – то; бу, монысы – это*. Напр.: *Анысы кичә булган иде, ә монысы бүген – То было вчера, а это сегодня* (Разг.); 5) «предмет, явление и т.п., который находится перед говорящим»: *бу, шул – это, этот*. Напр.: *Моны сиңа ядкяр-истәлек итәмен, – дип, алтын йөзек Хәнифәгә бирде* (М.Акбегет). «Это тебе сувенир, на память, – сказал он, и дал Ханифе золотое кольцо»; [Князь:] ... *Еще с собой привез я ожерелье – Возьми его. Да вот еще: отцу Я это посулил. Отдай ему* (А.Пушкин); 6) «что-либо не имеющем никакой цены, лишенном серьезного значения; отсутствие чего бы то ни было, пустота, небытие»: *бернарса, берни (түгел) – ничто*. Напр.: *Безгә параша да, ... мыжлап йөргән бетләр дә бернарса түгел...* (И.Туктаров). «Для нас ничто ни параша, ... ни кипшатов вши»; *Я сам – ничто во всем, что есть под солнцем!* (М.Лермонтов); 7) «нечто, привлекающее внимание»: *мондый, шундый – такое*. Напр.: [Фәһим:] – *Кыргызлык бит бу! Мондыйның Рәсәйдә генә булуы мөмкин!*

(Г.Бэширов). '[Фохим:] – Это дикость! Такое могло случиться только в России'; *Хрестоматийная ситуация, в школе проходили, знаем, что в нашей истории такое уже случалось, и не раз* (НИ); 8) вещи, предмета: *нэрсэ – что*. Напр.: *Нэрсэлэремне второй класска кертеп бер Урынга куйгач... пристань халкыны сээр итэргэ башладым...* (Ф.Кэрими). 'После того как отнес свои вещи на второй класс и поставил на одно Место, я начал наблюдать за людьми на пристани'; *Что – упало, то – пропало* (Посл.); 9) абстрактного понятия: *башка, бутэн – другое, иное, прочее, бу, теге – то, сезнеке – ваше, төрле, телэсэ нинди, һэр төрле – всякое; үземнеке – своё, шундый – такое*. Напр.: *Тормыш булгач төрлесе була инде* (ВТ). 'В жизни уж всякое бывает'; *Поскольку в моей жизни может случиться всякое, я беру себе на заметку всех этих персонажей ...* (Журн. Пушкин). Со значением абстрактного понятия могут субстантивироваться указательные (*теге – то*), определительные (*башка, бутэн – иное, другое, прочее*), притяжательные местоимения (*синеке – твое, сезнеке – ваше*); 10) в обоих языках отмечена модель со значением болезни, которая употребляется в диалектах и она представлена адекватными примерами: *үзенеке – своё* (в значении внезапная болезнь или припадок, обморок, истерика, падучая). Напр.: *Бу эбине багарга кирэк, аныкы үзенеке тот* (БДСТЯ). 'За этой бабушкой уход нужен, у нее падучая'; *Его свое берет* (Даль).

В татарском языке обнаружено субстантивированное местоимение, являющееся для современного языка устаревшей: *өтен* (монета в 1 рубль) – в значении денежной единицы.

Только в русском языке отмечено субстантивированное местоимение со значением «исход игры, при котором никто не выигрывает; никем не выигранная партия; ничейный результат»: *ничья*. Местоимение *ничей* субстантивируется только в женском роде преимущественно в форме – *ничья*. Напр.: *Закономерная ничья. «Рубин» и «Сатурн» не забывают уже в двух матчах подряд ...* (Спорт-экспресс). Эквивалентом этого субстантивированного местоимения в татарском языке выступает описательная конструкция – *бер якның да отмавы*, или словосочетание – *уртак нәтижә*. Напр.: *... үз мәйданыбызда уртак нәтижә белән генә канәгатьләнергә туры килде* (ТЯ). '... в своем поле нам пришлось довольствоваться только ничьей'.

Соотношение субстантивированных местоимений для смысловых рядов

<i>Семантические модели</i>	<i>В татарском языке</i>	<i>В русском языке</i>
I. Со значением лица	35	32
I.1. Со значением «семья, родные, близкие, родственники»	4	4
I.2. Со значением «всякий, любой»	5	3
I.3. Со значением «начальник, хозяин, глава, влиятельное лицо»	1	1

I.4. Со значением «любимый, возлюбленный; герой романа»	3	4
I.5. Со значением «не все, отдельные»	1	1
I.6. Со значением «соотечественники»	2	2
I.7. Со значением спортивной команды, за которую «болеют»	2	2
I.8. Со значением «ничтожная личность, ничтожество»	4	3
I.9. Со значением «индивидуум», «личность»	1	1
I.10. Со значением «в полном составе, без исключения»	2	2
I.11. Со значением лица, которому противопоставляется другой, прочие	1	1
I.12. Со значением лица «без предварительного о нем упоминания, как каким-нибудь образом известный, определенный»	1	1
I.13. Со значением лица по отношению к моменту речи	4	4
I.13.1. Со значением «первый из упомянутых выше»	2	2
I.13.2. Со значением «последний из упомянутых выше»	2	2
II. Со значением «то, что принадлежит, свойственно или присуще кому-нибудь»	7	7
III. Со значением «явление или предмет, только что упомянутые в речи»	5	3
IV. Со значением «какой-нибудь предмет из двух или нескольких, которому противопоставляется другой, прочие»	5	2
V. Со значением «предмет, явление и т.п., который находится перед говорящим»	2	2
VI. Со значением «что-либо не имеющем никакой цены, лишенном серьезного значения; отсутствие чего бы то ни было, пустота, небытие»	2	1
VII. Со значением «нечто, привлекающее внимание»	2	1
VIII. Со значением вещи, предмета	1	1
IX. Со значением абстрактного понятия	9	8
X. Со значением болезни	1	1
XI. В значении денежной единицы	1	–
XII. Со значением «исход игры, при котором никто не выигрывает; никем не выигранная партия; ничейный результат»	–	1
Всего	70	60

В третьем параграфе проанализированы функционально-стилистические особенности субстантивированных местоимений. Функционально-стилистическая характеристика субстантивированных местоимений, в первую очередь, выражается в их особой частотности в разговорной речи.

К числу разговорных в обоих языках относятся субстантиваты: *безнеке*ләр мн. – *наши* (близкие нам люди); *минекеләр* мн. – *мои* (родные, близкие), *һәркем, теләсә кем* неодобр. – *всякие* (разный, всевозможный); *сезнеке* – *ваши* (то, что принадлежит или свойственно вам); *синеке* – *твой* (муж, возлюбленный или жена, возлюбленная). Напр.: *Без бит икебез дә ятим хәзер. Синекеләр дә, минекеләр дә бик иртә китеп бардылар...* (Г.Гыйльманов). 'Мы ведь оба теперь сироты. И твои, и мои ушли очень рано'; – *Всё-таки все они сволочи, – разрешала себе Ирина. – И мои, и твои. – Знаешь, в чём состоит родительская любовь?* (В.Токарева).

Субстантивированные местоимения употребляются в образовании собственных имен, напр., в произведениях искусств (артионимов): в названиях произведений – *Үзем турында үзем* (А.Гыйләжев). 'Сам о себе', *Барысы да советски* (С.Жәләл). 'Всё советское'; *Син – минеке, ул – синеке* 'Ты – мой, он – твой' – кинофильм; *Үзез* 'сами' молодежный ток-шоу в телеканале «Татарстан – Яңа Гасыр»; в русском языке – в названиях произведений: *Егор Булычов и другие* (М.Горький), *Прыжок в ничто* (А.Беляев); *Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан* (Н.Гоголь); телепередач – *Одна за всех, Я – путешественник*; кинофильмов: *Свой среди чужих, чужой среди своих, Господин Никто* и др.

Субстантивированные местоимения в составе онимов в русском языке представлены значительно шире, напр., в названиях русских газет и журналов: *Все для Вас, Моё, Я, Караван+Я, «Я сам»* (журнал для дошкольного образования); магазина одежды – *Твое*; организации для перевозки людей – такси *Твое*; медицинской клиники – Он и Она; в названиях товаров (прагматонимов): *Наше* (вино), *Я самая* (ватные палочки и т.д.), *Я, Моё, Оно* (соки).

Данные ономастические единицы обнаружены только в русском языке, это объясняется тем, что на сегодняшний день татарский язык не имеет достаточного широкого применения в потребительской сфере.

Отличительной особенностью субстантивированных местоимений по сопоставляемым языкам выступает то, что субстантиваты русского языка активно участвуют в образовании собственных имен (прагматонимов, эргонимов), что, как было отмечено выше, диктуется экстралингвистическими факторами.

В четвертой главе «Субстантивация имен числительных в татарском и русском языках» рассматриваются субстантивированные имена числительные.

Условием субстантивации числительных (как и других частей речи) является опущение существительного в двухсловном сочетании «числительное + существительное». Напр.: *Әрҗәдән өч солдат сикерде. Дүртенчесе өстә калды* (З.Зэйнуллин). 'С кузова спрыгнули трое солдат. Четвертый остался наверху'; *Вот, говорит, нос! для двух рос, а одному достался!* (М.Салтыков-Щедрин).

Субстантивация имен числительных осуществляется двумя способами: 1) слово приобретает предметное значение при сохранении старого значения. В этом случае перед нами факт полной субстантивации с точки зрения слов, входящих в класс имен существительных; 2) слово приобретает предметное значение только в определенном контексте – окказиональная субстантивация. В обоих исследуемых языках это наиболее продуктивная и многочисленная группа субстантиватов. Напр.: *Боларның [тирмәнең] уртадагы өчесе байныкы. Кызның торганы шул өчнөң сул ягындагы ак өй икәннен ул белә иде* (Г.Ибраһимов). 'На восточной стороне большого озера, под светом яркой луны, стоят в ряд двенадцать белых теремов. Три из них, посередине, – богатых. Он знал, что девушка живет в белом доме, по левую сторону от этих трех'. *Но эти три пришли в редакцию, как с базара, расторговавшись* (Г.Бакланов).

Переход числительных в имена существительные проявляются в изменении синтаксической функции. Субстантивированные числительные употребляются для выражения субъекта и в предложении выполняют роль подлежащего. Напр.: *Безнең халыкка хас ике төр беләзекне аерып айтсәргә мөмкин: беренчесе – тоташ, икенчесе – буынлы (тупсалы) беләзекләр* (Р.Мөхәмәдова). 'Можно различить два вида браслетов, свойственных нашему народу: первый – сплошной, второй – коленчатый (ступенчатый) браслеты'; – *Они тут все пролетариями передеваются, – сказал третий* (М.Горький).

При субстантивации числительных важны, главным образом, следующие два момента: а) мысль направлена не на конкретный предмет, а на группу предметов, объединенных общностью количества; б) т.к. основное внимание направлено на количество, то происходит подчеркивание, акцентирование именно количества. Субстантивированные числительные отображают как количество, так и предмет, принимая все свойственные существительному элементы (аффикс множественного числа, падежные и притяжательные аффиксы и т.п.).

Субстантиваты как в татарском, так и в русском языках представлены следующими семантическими моделями со значениями: 1) лица, напр.: – *Беренче, сезне командир чакыра* (Разг.) 'Первый, вас вызывает командир'; – *Срочно передайте Первому. Я Четвёртый. Я Четвёртый. Бабушка приехала. В помощи не нуждаемся* (В.Богомолов); 2) «балл, оценка»: бер 'один' (эквивалентом числительного бер, в вышеуказанном значении, в русском языке выступают базовые существительные «кол», «единица»), ике – два, өч – три, дүрт – четыре, биш – пять, шутл. алты – шесть. Напр.: – *Элек студентлар имтиханны өчкә, дүрткә яки бишкә биралар иде... Ә хәзер – өч меңгә, дүрт меңгә, ә кайсы хәтта ки биш меңгә* (Юмор). 'Раньше студенты сдавали экзамены на три, четыре или на пять... А сейчас – за три, четыре, а некоторые даже за пять тысяч'; – *И тем, кто успешно справился с домашним заданием, я поставила... Уче-*

ники: – «Пять!» – «Шесть!» Учитель: – ...хорошие отметки... (ПС); 3) карточных и др. игр; карточных терминов: *егерме бер* – двадцать одно («очко»), *алтмыш алты* – шестьдесят шесть и др. Напр.: *Бер карчык үзенең карта уйнап эштән чыгып беткән улына: «Их улым, улым, шул «егерме бер» харап итте инде сине», – ди икән* (М.Гали) 'Одна старуха говорит своему сыну, окончательно испортившемуся, играя в карты: «Эх, сынок, сынок, «двадцать одно» как раз и испортило тебя!»; *Игра «Тысяча» ведется в основном по правилам «тысяча одного», но с определенными отличиями* (ТВ); 4) субстантиваты *мең* – тысяча, миллион, миллиард, которые субстантивируются в значениях: «огромное, несметное, неисчислимое количество кого, чего-л.», в т.ч.: а) в значении «большие деньги, состояния». Напр.: – *Гомер буе меңнәр, миллионнар белән эш иткәч, исендә калгандыр инде* (Акч.). '– Раз всю жизнь имела дело с тысячами, миллионами, наверное, запомнилось уж'; *Куда футболисты вкладывают заработанные миллионы* (КП); б) в значении «лица». Напр.: *Азмы аның кебекләр бу жирдә! Меңнәр, миллионнар!* (М.Кэбиров). 'Мало ли таких, как он на этой земле! Тысячи, миллионы!'; *Стань телеведущим! Тебя узнают миллионы!* (ТВ); 5) «денежная сумма». Напр.: *Беренче меңне кулына тоткач, бер шешә сәт белән ак ипи алып, «бәйрәм өстәле» оештырды* (Г.Гыйльманов). 'Получив свою первую тысячу, купил бутылку молока с белым хлебом, и устроил «праздничный стол»'; *Дал я сорок вперед. У него пятьдесят два было, у меня тридцать шесть* (Л.Толстой); б) «написанная цифра». Напр.: *6 – 9 ның киресе – 6 обратное 9* (Разг.). Здесь, в значении «написанной цифры» может субстантивироваться любое количественное числительное; 7) «размер». Напр., в речи лиц, занимающихся фотографией: *өчкә дүрт – три на четыре*; 8) отвлеченного количества и арифметических действий. Напр.: – *Әнием, унга бишне кушкач унбиш була бит?* (Ә.Бикчәнтәева). '– Мамочка, если к десяти прибавить пять будет пятнадцать?'; *Мы сложили: три и сорок восемь. Получилось пятьдесят один* (В.Левшин, Э.Александрова); 9) «очки (счет)». Напр.: *Магнитогорск «Металлург»ы икенче тапкыр Нижегородск «Торпедо»сын дүрткә ике исәбе белән эңдә* (ТЯ). '«Металлург» Магнитогорска выиграл во второй раз Нижегородскую «Торпеду» со счетом четыре один'; *29 ноября 2009 ... Манчестер Юнайтед разгромил Портсмут со счетом четыре один* (Спорт); 10) «блюдо»: *беренче – первое, өченче – третье*; 11) «класс; группа»: *беренче – первый, ... унберенче – одиннадцатый*. Напр.: *Бервакытны алтынчыда укыганда, ахрысы, тарих дәресендә ислам диненең барлыкка килүе дигән теманы үткәч, ул инәсе белән дин турында, Алла турында бәхәс куертып эҗибәрде* (Н.Фәттаһ). 'Однажды, вроде, когда учился в шестом, после того как прошли на уроке истории тему о возникновении исламской религии, он затеял спор с мамой о религии, о Боге'; *Со всех сторон Витя чувствовала на себе десятки удивленных, недоверчивых, настороженных взглядов учениц и учеников десятого*

«А» (В.Малов); 12) ТВ каналов. Напр.: *Бүген беренчедән бик яхшы кино булачак – Сегиздәгә беренчедән бик яхшы фильм покажут*; 13) «год» («годы»). Напр.: *Менә бу өйне салганга ике дистәдән артык. Әйе, кырык беренчедә иде* (З.Зәйнуллин). 'Больше два десятка уже как построили этот дом. Да, в сорок первом было'; *Пнин преподавал в Вайнделле уже с сорока сороковых, и я никогда не видел его более крепким, цветущим и уверенным в себе* (В.Набоков).

Только татарскому языку присуща субстантивация порядковых числительных в значении «помянутое по покойнику на третий (седьмой, сороковой) день»: *өчесе* – 'помянутое ... на третий день', *җидесе* – 'помянутое ... на седьмой день'. Рассмотренные числительные субстантивировались в результате эллиптического опущения существительного *көн* 'день', и принятия аффикса притяжательности. В русском языке опущение существительного «день» в словосочетаниях «три дня», «семь дней», «сорок дней» (имеющих сходный смысл), не наблюдается. Эквивалентами данных числительных в русском языке выступают имена существительные *третьи*, *седьмые*, *сороковые* или словосочетания *помянутое на третий (седьмой, сороковой) день*.

Субстантивированные порядковые числительные со значением «часть, доля, результат деления какого-либо числа на равные доли»: *сотая*, *десятая* и др. присущи только русскому языку, напр.: *Как найти 3% от числа? Разделить на 100, т.е. найти одну сотую или 1%, а потом умножить результат на 3* (Матем.). Эквивалентом слов, входящих в данную подгруппу, в татарском языке выступают количественные числительные, напр.: *Бу – Җирнең Кояштан алган җылылыгының йөздән берә дигән сүз* (Физика). 'Это – одна сотая тепла, которую Земля берет у Солнца'.

В обоих языках собирательные числительные субстантивируются со значением лица. Если в татарском языке собирательные числительные употребляются в значении количественных, то они субстантивируются в значении неодушевлённого существительного: 1) при абстрактном счете предметов, напр.: *Берәү, икәү, өчәү, дүртәү, Бишәү, алтау – ярата, Узе, наян, ярата да, Юри генә шаярта* (Песня). 'Один, два, три, четыре, пять, шесть – любит, Он сам, шутник, и любит, и дразнит' и 2) при устных арифметических действиях, напр.: *Берәү кушам икәү була өчәү* (Разг.). 'Один прибавлю два будет три'.

В нижепредставленной таблице семантических моделей субстантивированных имен числительных ряд моделей (со значениями: лица, денежной суммы, написанной цифры, отвлеченного количества и арифметических действий, «очки (счет)»), ТВ каналов, «год» («годы»), «часть, доля, результат деления ...») может выражаться любым числительным (количественным (лч), собирательным (лсч), порядковым (лпч); в татарском языке – разделительным (лрч)), т.к. в их образовании может участвовать любое имя числительное.

<i>Модели</i>	<i>Качественные числительные</i>		<i>Порядковые числительные</i>		<i>Собирательные числительные</i>	
	тат.яз.	тат.яз.	тат.яз.	тат.яз.	тат.яз.	рус.яз.
1. Со значением лица						
1.1. С общим значением лица	лкч		лпч		лсч	
1.2. Со значением «должностное лицо»			3	3		
1.3. Со значением «военнослужащий»			лпч	лпч		
2. со значением «балл, оценка»	6	6				
3. Со значением игр	4	7				
4.Субстантиваты <i>мең – тысяча, миллион ...</i>	3	3				
4.1. В значении «большие деньги»	3	3				
4.2. В значении «лица»	3	3				
5. Со значением: «денежная сумма»	лкч	лкч				
6. Со значением «написанная цифра»	лкч	лкч				
7. Со значением «размер»	лкч	лкч				
8. Со значением арифм. действий	лкч	лкч				
9. Со значением «очки (счет)»	лкч	лкч				
10. Со значением «блодо»			4	4		
11. Со значением «класс; группа»			11	11		
12. Со значением ТВ каналов			лпч	лпч		
13. Со значением «год» («годы»)	лкч	-	лпч	лпч		
14. Со значением «столегие, век»	1	-				
15. Со значением «поминки по покойнику ...»	4	-				
16. Со значением «часть, доля, результат деления ...»			-	лпч		

Сфера употребления субстантивированных числительных довольно широкая, если даже субстантивация числительных преимущественно окказиональная, и в основном отражается в речевом, ситуативном проявлении. Круг значений субстантивированных числительных широк, хотя они и не отражают каких-либо конкретных предметов. В них выражается абстрактно какое-либо количество однородных предметов. Это явление широко встречается в заключающих сложные мысли афоризмах, пословицах, поговорках, крылатых словах, напр.: *ике сигез уналты икэнне кем дэ белэ* 'всем известно, что дважды восемь – шестнадцать'; *меңне сөйлэгәннән берне эшләп күрсәтү мең кат артыграк* 'лучше один раз сделать, чем тысячу раз говорить'; *двое дерутся – третий не мешай; один у каши сирота; одно дерево срубишь – десять посади* и др. Возможны тождества субстантивированных числительных в составе пословиц, поговорок и фразеологизмов: *беләге юан берне егар, белеме булган меңне егар – руки побьют одного, знание побьёт тысячу; берәү сука белән, жидәү кашык белән – семеро с ложкой – один с плошкой; икенең берсе, икесенең берсе – одно из двух.*

Примеры стилистической актуализации субстантивированных числительных, окруженных особым экспрессивным ореолом, встречаются в заглавиях произведений: *Кырык дүртнең буранлы кышы* (Г.Галнев). 'Холодная зима сорок четвертого'; *Меңнәр, яки гүзәл кыз Хәдичә* (З.Бигиев). 'Тысячи, или прекрасная Хадича'; *Двадцать шесть и одна* (А.Блок); *Девнадцать* (В.Маяковский); *Трое* (М.Горький), и в названиях кинофильмов *В двадцать шестого не стрелять, Миллион в брачной корзине, Четвёртый*, также в названиях телепередач – *Одна за всех, Сто к одному* и др.

В связи с изменениями в общественно-политическом строе страны за последние двадцать лет субстантивированные числительные *первый – беренче, второй – икенче* (в значении – секретарь обкома, гаркома ...), возникшие как советизмы, утратили стилистический оттенок новизны, и из неологизма превратились в историзмы. Напр.: *Мәгърур кыяфәтле ират килеп керде һәм кунакка изътибар белән карап алгач, Беренче алдына, өсталгә юка гына конверт куйды* (Р.Мирхәйдәров). 'Вошел импозантный мужчина и, после того, как пристально посмотрел на гостя, положил на стол Первому тонкий конверт'; *Я была на приеме у Первого* (Разг.).

Среди субстантиватов имеют место ситуативно-синонимические образования. Напр.: *Аның гуманитар фәннәрдән биш һәм дүрт, ә математикадан өч. Шушы көннәрдә тәртибәннән ике куйганнар* (Разг.). 'У него по гуманитарным предметам пять и четыре (т.е. отлично и хорошо), а по математике только три (посредственно). На днях за дисциплину поставили два (плохо)'; *Через час Суровцев объявил отметки, которые поставил министр, – только пять и четыре, четверок было мало* (Д.Засосов, В.Пызин).

Шестая глава «Лексикографирование субстантиватов в татарском языке» посвящена вопросу лексикографирования субстантивированных имен прилагательных, отглагольных образований (причастия и имени действия), местоимения и имени числительного в татарском языке.

В первом параграфе рассматривается применение субстантивированных имен прилагательных в лексикографических источниках татарского языка.

А.А. Юлдашев справедливо отмечает, «конверсия по своему существу представляет собой сознательное словообразование и... подлежит обязательному отражению в грамматических описаниях, и в особенности – в словарях»¹⁵.

При подаче субстантивированных прилагательных в словарях татарского языка необходимо учитывать четыре степени субстантивации: абсолютно-полную, относительно-полную, частичную (неполную) и окказиональную (контекстуальную).

Следует отметить, что в словари татарского языка (ТСТЯ 1977 – 1981; ТСТЯ 2005) не различаются полностью субстантивировавшиеся слова и слова, субстантивировавшиеся в связи с их употреблением в традиционных словосочетаниях: и те, и другие имеют в словаре одну и ту же помету: 'в значении существительного'. На наш взгляд, было бы более правильным дать вокабулами слова, прошедшие путь полной субстантивации, напр.:

аклар 'белые' *ис.* 'сущ.', *күлл.* 'мн'. Примерами абсолютно-полной субстантивации в татарском языке также выступают слова типа: 1) *кызыллар* 'красные', *уңнар* 'правые'; 2) *бөртөклеләр* 'зерновые', *кыякылар* 'злаковые'.

В отличие от абсолютно-полных субстантиватов, относительно-полные имеют в языке омонимичные образования. Это слова типа *карт* 'старый' и *карт* 'старик', *бай* 'богатый' и *бай* 'богач', *яшь* 'молодой' и *яшь* 'возраст', *кара* 'черный' и *кара* 'чернила', *ак* 'белый' и *ак* 'белок, бельмо'.

Данные и подобные примеры следовало бы подать в словари в качестве омоформ к несубстантивированным, каковыми они и являются, напр.:

карт I 'старый' *сф.* 'прил.'. *Карт кеше* 'старый человек'.

карт II 'старик' *ис.* 'сущ.'. *Ярлы карт* 'бедный старик'.

Примеров относительной субстантивации в языке немного, и фиксация их в словарях в качестве омоформ к несубстантивированным, было бы более правильным.

¹⁵ Юлдашев А.А. Конверсия в тюркских языках и ее отражение в словарях // Советская тюркология. – 1970. – № 2. – С. 80.

Примеры частичной (неполной) субстантивации следует подать в словарях в одной статье с мотивирующим именем прилагательным после арабской цифры и с пометой 'в значении существительного', напр.:

сабий 'маленький' сф. 'прил.'. *Сабий бала* 'маленький'. 2. ис. магъ. 'в зн. суц.' *Сабий уйнай* 'младенец играет'.

В речи часто встречается окказиональная (контекстуальная) субстантивация, когда имя прилагательное субстантивируется окказионально, ситуативно, лишь в рамках определенного контекста.

Примеры окказиональной субстантивации не следует включать в словари, в противном случае можно дойти до абсурда, т.е. «любое слово, употребленное в типичной для имени существительного функции подлежащего и дополнения, невольно воспринимается как существительное»¹⁶.

Во втором параграфе рассматривается лексикографирование субстантивированных причастий.

Как правило, в толковых словарях тюркских языков, в т.ч. и татарского языка, собственно причастия не выделяются отдельными статьями. Это вполне обосновано: будучи глагольной формой, причастие сохраняет значение исходного глагола, поэтому его дублировать нецелесообразно. Напр., в ТСТЯ причастие *хөрмәтләуче*, *хөрмәт итүче* 'уважающий' не дается отдельной статьей, его значение можно определить по значению глагола *хөрмәтләү* 'уважать' 1. Олылау, ихтирам итү 'относиться с уважением'; 2. Тәрбияләү, тәрбия күрсәтү, карау, багу 'воспитывать, ухаживать' (ТСТЯ 1981).

Словари татарского языка в основном ограничиваются подачей лишь одиночных субстантиватов (*укутучы* 'учитель', *көтүче* 'пастух'). В то время как в двуязычных словарях представлены и составные термины, одним из компонентов которых является причастие (*газ үткәрүче* 'газификатор; газовщик', *газан чигүче* 'страдалец, мученик'). Однако составные причастные формы в них даны в словарной статье «сплошным текстом, по принципу первого слова после перевода значений заглавного слова» (ТРС 1988), напр.:

такта суц. доска, лес; ... **такта яручы** распиловщик (ТРС 1988).

Аналогичная картина наблюдается и в двухтомном татарско-русском словаре (ТРС 2007), напр.:

корыч суц. сталь // стальной; *тулыкмый торган корыч* нержавеющей сталь ... □ **корыч коючы** (эретүче) сталевар, сталелитейщик (ТРС 2007).

¹⁶ Смирницкий А.И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностранные языки в школе. – 1959. – №5. – С.109.

Ф.И. Тагирова, разработав пути усовершенствования подачи сложных слов в словарях татарского языка, отметила необходимость «включать в состав словника раздельнооформленные сложные слова (тезмә сүзләр), при отборе которых следует опираться на критерии различения сложных слов от других сложных конструкций»¹⁷. Мы, вслед за Ф.И. Тагировой, подтверждаем целесообразность подачи в качестве вокабул раздельнооформленных композит, в т.ч. и составных терминов одним из компонентов которых является причастие (*жавал бирүче* 'ответчик', *утиль жыючы* 'утильщик'), иначе часть лексического богатства языка остается неучтенной.

В словарях татарского языка причастные формы представлены следующими способами:

1) в составе глагольной формы при соответствующем глаголе, напр.: *адашырга гл.* заблудиться (*напр., в лесу*) 2. блуждать, плутать 3. *в знач. прил.* адашкан заблудивший, заблудившийся;

2) причастия выделяются в отдельную статью и рассматриваются как самостоятельные слова (результат адъективации или субстантивации), напр.:

агулаучы прил. отравляющий // *суц.* отравитель. Как видим, адъективированное причастие может выступить связующим звеном в пути к субстантивации (так называемая опосредованная субстантивация: причастие → адъективированное причастие (имя прилагательное) → субстантивированное причастие (имя существительное)), напр.:

белгән 1. прич. от белергә 2. в знач. прил. знакомый

бәяләүче суц. оценщик, расценщик; *бәяләүче булып эшләү* работать оценщиком

булдыручы суц. 1. работающий, добытчик; 2. создатель, творец *гадиләштерүче суц.* упроститель; упрощенец; *житди мәсьәләне гадиләштерүчеләр* упростители серьезных вопросов.

Обобщая материал параграфа, можно заключить, что составители татарских словарей и авторы словарей других тюркских языков не разработали четких критериев подачи этого лексико-грамматического разряда в лексикографических изданиях, что объясняется, прежде всего, теоретической неразработанностью понимания природы причастия и процессов его переходности. Учитывая этот, в словари татарского языка при подаче причастий следует вносить следующие корректировки:

во-первых, всегда необходимо учитывать тот факт, что причастия приводятся в словаре только в том случае, если они выступают в значении соответственно прилагательного или существительного;

¹⁷ Тагирова Ф.И. Лексикографирование и орфографирование сложных слов татарского языка. – Казань: Изд-во «Печатный двор», 2005. – С. 62, 63.

во-вторых, включать в состав словарика раздельнооформленные сложные слова, одним из компонентов которых являются причастия (*сарык урчутуче* 'овцевод', *сорт сынаучы* 'сортоиспытатель', *сыер савучы* 'дояр', *уйлап табучы* 'изобретатель').

В третьем параграфе рассматривается подача субстантивированных имен действия в словарях татарского языка.

В тюркских языках, в частности в татарском, до сих пор не найден оптимальный вариант передачи глаголов в словарях.

В огузских и карлукских языках словарной формой глагола принята форма на *-мак* (в узбекском, азербайджанском, турецком и др.), что соответствует природе этих языков, в кыпчакских – форма на *-у* (в казахском, татарском, башкирском и др.).

Лексикографирование глагольных форм на *-у* затрудняет понимание словарных статей, т.к. данной формой в языке передаются как имена действия, так и существительные, образованные от них путём субстантивации.

Использование в качестве словарной формы имени действия на *-у* приводит к тому, что в словарях очень часто не фиксируются имена существительные, образованные путём субстантивации. Наиболее удачный вариант передачи русских имён действия на родной язык найден в русско-татарском словаре, изданном под редакцией Ф.А.Ганиева (РТС 1997), напр.:

вязание 1. см. вязать; 2. бэйлэгән эйбер, бэйлэнгән эйбер, бэйләү.

В таком оформлении виден перевод значений и глагола, и субстантивированного имени действия.

В тюркской лексикографии окончательно не выработаны единые критерии включения глаголов в словари. При лексикографировании глаголов в тюркских языках необходимо учитывать имена действия и образованные от них путём субстантивации существительные. Для этого в толковых словарях тюркских языков, на наш взгляд, было бы более целесообразно оформить глаголы в форме чистой их основы (КТС 1978). А имена действия и их «опредмеченные» пары (если имя действия субстантивировано) представлять в одной статье под цифрами 1, 2 и т.д., напр.:

буяу и **д.** 1. 1) крашение; 2) *перен.* приукрашивание *чеге-л.* 2. 1) краска ... 2) окраска ...

Четвертый параграф посвящен анализу субстантивированных имен числительных и местоимений в словарях татарского языка.

В словарях татарского языка субстантивированные числительные в основном даны в одной словарной статье с мотивирующим именем числительным после арабской цифры и с пометой 'в значении существительного', напр.:

кырык 'сорок' *сан* 'числ.' 40 саны 'цифра 40' 2. *и. мәгъ.* 'в знач. сущ.' *кырыгы дини* Кеше үлгәннән соң кырык көн үткәч, аны искә алу

Йөзәннән үткәрелә торган йола 'поминки по покойнику на сороковой день после его смерти' (ТСТЯ 1979).

В трехтомном толковом словаре татарского языка (ТСТЯ 1977–1981) представлены субстантивированные числительные (15) *икенче* 'второе'; *өч* 'три'; *жидесе* 'поминки по покойнику на седьмой день' и др.

Разработка субстантивированных имен числительных в трехтомном словаре не вызывает особых затруднений, – она соответствует общей теории лексикографирования конверсивов, – в словарях в большинстве своем даются слова, прошедшие путь полной субстантивации, т.е. узуальные образования, а окказионализмы в словарях в основном не фиксируются.

В одготомном толковом словаре субстантивация порядковых числительных не расписана, а определена грамматическим составляющим самой субстантивации, составители словаря определили ее как результат эллипсиса, напр.:

бишенче тарт. саны 1. ... 2. ис. мәгъ. Сан янында килгән исемне кыскартканда 'В результате усечения (эллипсиса) имени существительного в словосочетаний «имя существительное + имя числительное»'. *Бишенчегә күчү* 'перейти в пятый'. Данный прием представляется достаточно удачным, особенно с точки зрения практики – он позволяет значительно сократить объем словарной статьи и компактно показать соотношение значений в зависимости от их грамматической характеризованности, что облегчает их усвоение. Однако у ряда других порядковых числительных (*алтынчы* 'шестой', *дүртенче* 'четвертый') субстантивированное значение в словаре не представлено.

Известно, что в двухтомном татарско-русском словаре (ТРС 2007) субстантивированные числительные даны несистемно. Так, переход порядковых числительных в существительные в словаре передан по-разному:

а) в пределах одной статьи как одно из значений многозначного слова при помощи вертикальных параллельных линий:

тугызынчы числ. поряд. девятый || суц. перен. девятый класс;

б) в рамках одной словарной статьи как одно из значений многозначного слова за арабской цифрой:

бишенче числ. поряд. ... 4. в знач. суц. пятерка, пятый (о городских транспортных средствах);

дүртенче числ. поряд. ... 3. в субст. употр. разг. 1) четверка; 2) мн. ч. ~ лар четвероклассники;

икенче числ. поряд. 1. ... 2) в знач. суц. мн. икенчеләр второклассники, второклассницы; учащиеся второго класса ... 3. в знач. суц. второе (блюдо).

Субстантивированные местоимения в словарях татарского языка также даны в одной словарной статье несубстантивированным местоимением, напр.:

минеке 'мой' алм. 'мест.'. Кемнең яки нәрсәнендер беренче зат исемненнән сөйләүчегә караган булуын белдерә 'мое' 2. и. мәгъ. 'в знач. сущ.'. Ир, сөйгән яр турында 'муж, возлюбленный' (ТСТЯ 1979).

Местоимения подвергаются только частичной, окказиональной, субстантивации. По анализам словарей татарского языка нами было выявлено десять случаев фиксации субстантивированных местоимений: *минеке* 'мой' (муж, хозяин); *нәрсә* 'что'; *уст. жәмгысы* 'множественное (число)'; *уст. бәтен* (монета в 1 рубль) и др.

Немногочисленность субстантивированных местоимений, зафиксированных в лексикографических источниках татарского языка, объясняется тем, что местоимения преимущественно субстантивируются в контексте, а контекстные переходы в словарях не отражаются.

Учитывая самостоятельный статус субстантиватов, их широкий спектр и продуктивность, в словарях татарского языка следует представить их вокабулами. Также необходимо исключить подачу в словарях окказиональных, контекстуальных субстантиватов, функционально не освоенных; фразеологизмы, пословицы и поговорки не должны служить иллюстрацией окказионально-ситуативных субстантиватов. Они могут выступать лишь как дополнительный иллюстративный пример употребления функционально закрепленных субстантиватов в художественной литературе; дать омонимами только те образования, которые прошли путь полной субстантивации; мотивированный всегда должен следовать за мотивирующим; включать в состав словника раздельнооформленные сложные слова (тезмә сүзләр), одним из компонентов которых являются причастия (*бала караучы* 'няня', *хат ташучы* 'почтальон'); во всех словарях татарского языка разработать абсолютно единообразную подачу субстантиватов.

В Заключении диссертации отражены и обобщены основные результаты исследования в соответствии с поставленными задачами, приводятся общетеоретические выводы и намечаются возможные перспективы дальнейшего исследования. Использование комплексного анализа позволило выявить структурно-семантические и функционально-стилистические особенности частеречной транспозиции (субстантивации) в татарском и русском языках.

Результаты сопоставительного анализа субстантивной транспозиции свидетельствуют о том, что в лингвистике определены и зафиксированы возможные направления рассматриваемого процесса. Принципиально общим для сопоставляемых языков является процесс субстантивации всех частей речи. Наиболее продуктивны и частотны субстантивации в обоих языках имен прилагательных и причастий, менее – местоимений и числительных.

Главным условием субстантивации является наличие семантических моделей. Семантико-тематический анализ субстантиватов представляет

собой определенные модели, которые в большинстве случаев адекватны в исследуемых языках. Одинаковость семантических моделей в татарском и русском языках убедительно демонстрирует определенную общность в системе образования субстантивов в разноструктурных языках, что вполне закономерно и свидетельствует о наличии межъязыкового схождения.

Наши разыскания показывают, что субстантивация является одним из типов конверсии и в обоих исследуемых языках является продуктивным способом словообразования.

Анализ включения субстантивов в татарские словари показал, что в них: а) не все существительные, образованные по конверсии, охвачены; б) в словарях нарушен порядок расположения существительных, образованных субстантивацией; в) прилагательные и образованные от них существительные зарегистрированы то как самостоятельные слова, то как комплексные слитные слова, то как значения исходного слова – прилагательного, т.е. по трем принципам. Это обстоятельство не полностью отвечает требованиям современной лексикографической теории.

Комплексное и сопоставительное описание языков в плане исследования процесса субстантивации позволяет глубже изучить структуру каждого из этих языков, а также выявить типологические схождения и расхождения между данными.

Предложенный метод полиаспектного исследования субстантивов татарского и русского языков как сложного и многогранного лингвистического объекта может быть использован при изучении субстантивов других разноструктурных языков.

Основные положения и результаты исследования получили отражение в следующих публикациях:

Монографии:

1. Гайнутдинова А.Ф. Субстантивные прилагательные в татарском и русском языках / А.Ф.Гайнутдинова. – Казань: «Фикер», 2004. – 136 с.
2. Гайнутдинова А.Ф. Субстантивация отглагольных образований в татарском и русском языках / А.Ф.Гайнутдинова. – Казань, 2011. – 208 с.

Словарь:

3. Гайнутдинова А.Ф. Татар теленең исемләшкән сүзләр сүзлеге / Словарь субстантивов татарского языка / А.Ф.Гайнутдинова. – Казан: ИЯЛИ АН РТ, 2011. – 172 б.

Статьи в журналах, входящих в перечень ВАК РФ:

4. Гайнутдинова А.Ф. Тематические группы субстантивированных имен действия в татарском языке / А.Ф.Гайнутдинова // **Вестник Чувашского государственного университета**. – Чебоксары, 2010. № 1. – С. 171–175.
5. Гайнутдинова А.Ф. Субстантивация причастий в разноструктурных языках: сопоставительный аспект (на материале русского и татарского языков) / А.Ф.Гайнутдинова // **Вестник Челябинского государственного педагогического университета**. – Челябинск, 2010. № 6. – С. 243–252.
6. Гайнутдинова А.Ф. О субстантивации количественных числительных в русском и татарском языках / А.Ф.Гайнутдинова // **Вестник Читинского государственного университета**. – Чита, 2010. № 7 (64). – С. 45–49.
7. Гайнутдинова А.Ф. Структурно-функциональная характеристика субстантивированных причастий в русском и татарском языках / А.Ф.Гайнутдинова // **Вестник университета Российской академии образования**. – М., 2010. №4. – С. 64–68.
8. Гайнутдинова А.Ф. Субстантивация местоимений в русском языке. Тематические группы субстантивированных местоимений / А.Ф.Гайнутдинова // **Вестник Челябинского государственного университета**. – Челябинск, 2010. Выпуск 45. – С. 17–20.
9. Гайнутдинова А.Ф. Функционально-стилистические особенности субстантивированных причастий в русском и татарском языках / А.Ф.Гайнутдинова // **Вестник Поморского университета**. – Архангельск, 2010. № 8. – С. 181–185.
10. Гайнутдинова А.Ф. Три плюс два (О субстантивации числительных в русском языке) / А.Ф.Гайнутдинова // **Вестник Челябинского государственного педагогического университета**. – Челябинск, 2010. № 6. – С. 243–252.
11. Гайнутдинова А.Ф. О разновидностях перехода причастий в имена существительные в русском языке / А.Ф.Гайнутдинова // **Мир науки, культуры, образования**. – Горно-Алтайск, 2010. № 4. – С. 65–68.
12. Гайнутдинова А.Ф. Функциональная характеристика субстантивированных числительных в русском языке / А.Ф.Гайнутдинова // **Известия Волгоградского государственного педагогического университета**. – Волгоград, 2010. – С. 79–82.
13. Гайнутдинова А.Ф. О субстантивации причастий со значением лица в татарском языке / А.Ф.Гайнутдинова // **Вестник Вятского государственного университета**. – Киров, 2011. – С. 79–82.
14. Гайнутдинова А.Ф. Семантико-тематическая характеристика субстантивированных местоимений в разноструктурных языках:

сопоставительный аспект (на материале русского и татарского языков) / А.Ф.Гайнутдинова // **Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета**. – Казань, 2011. № 2. – С. 101–105.

15. Gainutdinova A.F. Substantivation of pronouns in Turkic languages (on material of the Tatar language) / A.F.Gainutdinova // **Oriental Languages and Cultures**. – Cambridge, 2008. – 10 p.

Статьи и иные научные публикации:

16. Гайнутдинова А.Ф. О разновидностях перехода имён прилагательных в имена существительные в татарском языке / А.Ф.Гайнутдинова // **Гуманитарные науки в профессиональной подготовке специалиста**. – Казань, 1998. – С. 13–15.

17. Гайнутдинова А.Ф. К вопросу о субстантивации имен прилагательных в татарском языке / А.Ф.Гайнутдинова // **Языковая ситуация в Республике Татарстан: состояние и перспективы (часть II)**. – Казань, 1999. – С. 132–133.

18. Гайнутдинова А.Ф. О разновидностях перехода имен прилагательных в имена существительные в русском языке / А.Ф.Гайнутдинова // **Новационные процессы в образовательных системах**. – Казань, 1999. – С. 75–80.

19. Гайнутдинова А.Ф. О тематических группах субстантивов татарского языка / А.Ф. Гайнутдинова // **Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка**. – Казань, 1999. – С. 106–109.

20. Гайнутдинова А.Ф. О субстантивированных прилагательных русского языка / А.Ф.Гайнутдинова // **Материалы Международной научно-практической конференции «Народы России и Татарстана: возрождение и развитие (часть I)»**. – Альметьевск, 2000. – С. 56–59.

21. Гайнутдинова А.Ф. Мәктәп дәреслекләрендә конверсия күренешенә карата / Явление конверсии в школьных учебниках / А.Ф.Гайнутдинова // **Материалы Международной научно-практической конференции «Народы России и Татарстана: возрождение и развитие (часть I)»**. – Альметьевск, 2000. – С. 64–67.

22. Гайнутдинова А.Ф. К тематической характеристике субстантивов в русском языке / А.Ф.Гайнутдинова // **Гуманитарное образование в высшей школе: языкознание, педагогика, психология**. – Казань, 2000. – С. 45–52.

23. Гайнутдинова А.Ф. О подаче субстантивированных прилагательных в словарях татарского языка / А.Ф.Гайнутдинова // **Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка**. – Казань, 2001. – С. 81–85.

24. Гайнутдинова А.Ф. Тематические группы русских и татарских субстантивированных прилагательных: сопоставительный аспект / А.Ф.Гайнутдинова // **Проблемы языка, литературы и народного творчества. Сборник аспирантских работ**. – Казань, 2002. – С. 3–9.

25. Гайнутдинова А.Ф. К сопоставительному изучению субстантивированных прилагательных в русском и татарском языках / А.Ф.Гайнутдинова // Проблемы словообразования в тюркских языках. – Казань, 2002. – С. 146–150.

26. Гайнутдинова А.Ф. О подаче конверсивов в словарях (на материале русского и татарского языков) / А.Ф.Гайнутдинова // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике. TEL-2004. Выпуск 8. – Казань: «Отечество», 2004. – С. 84–87.

27. Гайнутдинова А.Ф. ТРСны редакцияләү барышында туган кайбер фикерләр / Мысли, возникшие в процессе редактирования ТРС / А.Ф.Гайнутдинова // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань, 2005.

28. Гайнутдинова А.Ф. О субстантивации имен действия в татарском языке / А.Ф.Гайнутдинова // Казань и Алтайская цивилизация: 50-я международная научная алтаистическая конференция. – Казань, 2007. – С. 61–63.

29. Гайнутдинова А.Ф. Г.Ибраһимов эсәрләрендә исемләшкән сүзләр һәм аларның кулланылыш үзенчәлекләре / Субстантивы в произведениях Г.Ибрагимова и особенности их употребления / А.Ф.Гайнутдинова // Г.Ибраһимов һәм XXI гасыр: тууына 120 ел тулуга багышланган халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары. – Казан, 2007. – Б. 215–219.

30. Гайнутдинова А.Ф. О субстантивации числительных в татарском и русском языках / А.Ф.Гайнутдинова // Проблемы преподавания русского языка и литературы в условиях двуязычия: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Стерлитамак, 2007. – С. 36–41.

31. Гайнутдинова А.Ф. О субстантивации числительных в татарском языке / А.Ф.Гайнутдинова // Тенишевские чтения – 2007: Сборник научных статей. – Казань: Gumanitara, 2007. – С. 113–115.

32. Гайнутдинова А.Ф. Г.Ибраһимов эсәрләрендә конверсивлар һәм аларның кулланылыш үзенчәлекләре / Конверсивы в произведениях Г.Ибрагимова и особенности их употребления / А.Ф.Гайнутдинова // Материалы Международной конференции «Наследие Г.Ибрагимова и современность». – Набережные Челны, 2007. – С. 127–130.

33. Гайнутдинова А.Ф. Субстантивированные причастия в татарском языке и особенности их употребления в языке официальных документов / А.Ф.Гайнутдинова // Современные языковые процессы Республики Татарстан и Российской Федерации: Законодательство о языках в действии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 15-летию принятия Закона о языках. – Казань: Таткнигоиздат, 2007. – С. 409–411.

34. Гайнутдинова А.Ф. Субстантивация местоимений в тюркских языках (на материале татарского языка) / А.Ф.Гайнутдинова // Восточные языки и культуры. Материалы I международной научной конференции 22–23 ноября 2007г. – М.: Изд-во РГГУ, 2007. – С. 24–27.

35. Гайнутдинова А.Ф. О разновидностях субстантивации глаголов в татарском языке / А.Ф.Гайнутдинова // Филологическая наука конца 20 начала 21 века: проблемы, опыт исследования, перспективы. Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию заслуженного деятеля науки РТ и РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Ш. Арсланова. – Елабуга, 2007. – С. 165–168.

36. Гайнутдинова А.Ф. Субстантивированные имена действия в тюркских языках и их отражение в словарях (на материале казахского языка) / А.Ф.Гайнутдинова // Ғасырлар тоғысындағы түркі өркениеті: саясат, экономика және мәдениет // Халықаралық ғыл.-тәж. конф. материалдары – Орал: «Ағартушы» мемлекеттік тілді оқыту орталығы, 2007. – С. 72–75.

37. Гайнутдинова А.Ф. «О семантико-стилистических функциях субстантивированных причастий и прилагательных в поэтических произведениях Ф.Карима» / А.Ф.Гайнутдинова // «Ф.Кәрим – шагыйрь һәм утир». – Казан, 2009. – С. 192–195.

38. Гайнутдинова А.Ф. Субстантивированные имена действия в тюркских языках и их отражения в словарях / А.Ф.Гайнутдинова // Московский институт иностранных языков, научный журнал «Вопросы филологии»: V Международная научная конференция «Язык, культура, общество». – М., 2009. – С. 232.

39. Гайнутдинова А.Ф. Татар телендә конверсиянең бер очрагы була-рак исемләшү / Субстантивация как частный аспект конверсии в татарском языке / А.Ф.Гайнутдинова // Milli мәдәният. № 20. – Казан, 2010. – Б. 34–36.

40. Гайнутдинова А.Ф. Лексикографирование причастных форм в словарях тюркских языков / А.Ф.Гайнутдинова // Восточные языки и культуры. Материалы II международной научной конференции. – М.: Изд-во РГГУ, 2010 – С. 24–27.

41. Гайнутдинова А.Ф. Роль субстантивации в образовании собственных имен в русском и татарском языках / А.Ф.Гайнутдинова // Ономастика Поволжья. Материалы XII Международной научной конференции. – Казань, 2010. – С. 47–50.

42. Гайнутдинова А.Ф. «Функционально-стилистическая характеристика субстантивированных местоимений в русском и татарском языках» / А.Ф.Гайнутдинова // III Международная тюркологическая конференция. – Елабуга, 2010. – С. 38–42.

43. Гайнутдинова А.Ф. М.Гафури поэзиясендә исемләшкән алмашлыктарның кулланылыш үзенчәлекләре / Особенности употребления суб-

стантивированных местоимений в поэзии М.Гафури / А.Ф.Гайнутдинова // М.Гафури: эдип һәм халык язмышы. – Казан, 2010. – Б. 191–194.

44. Гайнутдинова А.Ф. Семантико-тематическая характеристика субстантивированных числительных в русском и татарском языках / А.Ф.Гайнутдинова // Язык. Культура. Общество. Межвузовский сборник научных трудов (выпуск 2). – Саранск, 2010. – С. 60–64.

45. Гайнутдинова А.Ф. Тематическая характеристика субстантивированных причастий в русском и татарском языках / А.Ф.Гайнутдинова // Вестник КГУКИ. – Казань, 2010. № 3. – С. 71–78.

46. Гайнутдинова А.Ф. Субстантивация причастий в татарском и русском языках / А.Ф.Гайнутдинова // Творческие связи Казанской тюркологической лингвистической школы: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Мирфатыха Закиева. – Казань, 2010. – С. 308–309.

47. Гайнутдинова А.Ф. О субстантивации подражательных слов в татарском языке / А.Ф.Гайнутдинова // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Тюменский государственный университет. – Тюмень: изд-во «Печатник», 2010. – С. 116–119.

48. Гайнутдинова А.Ф. Конверсионные образования существительных в татарском языке / А.Ф.Гайнутдинова // Словообразование в тюркских языках: исследование и проблемы: материалы Международной тюркологической конференции, посвященной 80-летию Фуата Ганиева. – С. 171–175.

49. Гайнутдинова А.Ф. О субстантивации количественных числительных в татарском языке / А.Ф.Гайнутдинова // Жизнь, посвященная тюркологии. – Вып.2. – Казань, 2011. – С. 137–142.

50. Гайнутдинова А.Ф. Семантическая характеристика субстантиватов в русском и татарском языках / А.Ф.Гайнутдинова // Язык. Образование. Культура: материалы международной конференции студентов, аспирантов, молодых преподавателей и ученых 12–13 мая 2011. – Пенза: ПГУАС, 2011. – С. 178–182.

51. Гайнутдинова А.Ф. Семантико-стилистические функции субстантиватов в поэзии Габдуллы Тукая / А.Ф.Гайнутдинова // Габдулла Тукай мирасы һәм милли-мәдәни багланышлар: ГабдуллаТукайның тууына 125 ел тулуга багышланган халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары. – Казан, 2011. – Б. 245–246.

52. Гайнутдинова А.Ф. Тематическая характеристика субстантивированных причастий в русском языке / А.Ф.Гайнутдинова // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее, будущее. Материалы IV международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – С. 78–83.

53. Гайнутдинова А.Ф. О способах субстантивации причастий в русском и татарском языках / А.Ф.Гайнутдинова // Жизнь, посвященная тюркологии. – Вып.2. – Казань, 2011. – С. 71–75.

54. Гайнутдинова А.Ф. Субстантивная транспозиция прилагательных в татарских говорах / А.Ф.Гайнутдинова // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XI Межрегиональной конференции. – Уфа, 2011. – С. 68–71.

55. Гайнутдинова А.Ф. Тематическая характеристика субтантивированных причастий в русском и татарском языках / А.Ф.Гайнутдинова // Вопросы тюркской филологии. Выпуск IX: Материалы Дмитриевских чтений. – М., 2011. – С. 18–28.

Подписано в печать 15.11.2011
Формат 60x84 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п.л. 3,5. Тираж 100 экз. Заказ № К-50

Отпечатано
в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, г. Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31, т. 292-76-59

162